

**Колебания и волны в социокультурных практиках и их «игровых имитациях».
(проблемы экспериментальной социокультурной когнитологии).**

«Memoria teneo ergo sum, ergo cogito»

Оглавление.

1. Введение. Об использовании двух классов «призм» в научных исследованиях общества, культуры и человека.

1.1. О специфике методологического и эпистемологического философствования в «субъективном материализме», «эмпирической эпистемологии» и когнитологии.

1.2. 1-й класс: «призмы» образцов, моделей — проектов и теорий «информационно — кибернетических систем».

1.3. 2-й класс: «призмы» биологии, на базе генетики и геномной инженерии, биофизики и биохимии «клетки».

2. Иерархические устройства социальной памяти и коммуникации, интеллекта и рефлексии «игровых имитаций».

2.1. «Всадник, скачущий на коне» или-и «игрок, прыгающий на палочке»?

2.2. Социокультурная матрица «игровых имитаций», ее «социальный куматоид» и рефлексия.

2.3. Социокультурные матрицы коммуникации, на языке и в текстах «игровых имитаций» и опосредованные паралингвистические социальные эстафеты.

3. О простейших моделях устройств социальной памяти, интеллекта и рефлексии «практического действия».

3.1. Классические и неклассические категориальные схемы «практического действия».

3.2. «Социальные куматоиды» - вид колебаний и волн в социокультурных практиках.

3.2.1. Динамика цикла саморегулирования, с самоидентификацией (контролем), в процессах организации многократного функционирования структуры отдельного практического действия.

3.2.2. Существуют ли колебания в индивидуальной и волны в групповой социокультурной практике?

3.2.3. Проблема классификация все возможных простейших видов колебаний и волн в социокультурных практиках.

3.3.. «Объективное и субъективное табло» у «деятеля, на верстаке»: проблема выбора из альтернативных классов моделей «памяти, интеллекта и рефлексии» деятелей.

Заключение.

4. Устройства социальной памяти и коммуникации, интеллекта и рефлексии «практической и теоретической арифметики», как феномен культуры социумов.

Заключение. От «эмпирической эпистемологии», «филогенетической и онтогенетической эпистемологии» к «экспериментальной социокультурной когнитологии». (откорректированная завершающая сборник статья как и общее заключение будет представлены позже отдельным текстом).

1. Введение. О двух классах «призм» в научных исследованиях общества, культуры и человека.

1.1. О специфике методологического и эпистемологического философствования в «субъективном материализме».

Данный виртуальный сборник 3-х статей посвящен проблемам разработки и применения социокультурной когнитологии в праксиологии (как «теории социальных практик»), в игрологии (как «теории игровых имитаций»), в арифмологии (как «теории арифметических практик, знания и мышления их участников»). Социокультурная когнитология формируется в коэволюции с этологической когнитологией и психонейрофизиологической когнитологией, и опирается на разрабатывающийся для их нужд информационно — кибернетический подход, биологию человека (антропологию), ретроспективные и формирующие эксперименты в социокультурных практиках.

Одной из важных традиций исследования, на которую социокультурная когнитология опирается и от которой она отталкивается, является «эмпирическая эпистемология», с разрабатывавшейся для нее и использовавшейся в ней «теорией социальных эстафет (и социальных куматоидов), как видов устройств социальной памяти», М.А. Розова и НМС, в Академгородке.

Порядок следования статей в сборнике (1,2,3,4) образовался «исторически», хотя логика изложения требует иной последовательности (1.3,2,4), но, такая переработка этих 3-х статей дело будущего, а читатель заинтересовавшийся данной проблематикой в целом имеет возможность вернуться от последующих статей к предшествующим и переосмыслить их значение и смысл. Относительно большой объем текста потребовал отдельного изложения и публикации 4-й статьи, завершающей замысел данного сборника статей. Естественным дополнением к этим 3-м статьям являются статья предшествующая «О «клетке» видов социумов — культур и средствах её исследования» так же 2018 г. публикации на сайте, так же требующая переосмысления в новом контексте 3-х статей новых данного сборника.

А так же, статьи «Теория информационно — кибернетических систем для когнитологии и когнитивистики», «Функциональные системы имитационного самообучения». Математическая экспериментальная когнитология в единстве разнообразия ее «3-х источников формирования и

частей ее будущего целого» есть то русло, и та опора, которые позволяют реально продвигаться к новому синтезу и росту уровня научности наук об обществе, культуре и человека.

Для более полного и глубокого, систематического и точного познания социокультурной реальности и роста эффективности адекватного и результативного практического, в т.ч. экспериментального, преобразования природы и собственной жизни в обществе, с его культурой, нам подобные издревле используют множество воспроизводящихся и накапливающихся в культуре социумов «социопрактических призм».

Например, тех, которые подобны целенаправленно нами изготавливаемым и используемым призмам, в прямом, а не в переносном, метафорическом значении и смысле этого слова, призмам - наших очков, биноклей, телескопов и микроскопов. Микроскопические и телескопические технологии наблюдательной и измерительной идентификации и диагностики, как известно, из истории техники и науки произвели подлинную революцию в нашем познания микромира и мегамира, ранее в принципе осознанно не наблюдаемых нам подобными «невооруженным глазом».

Экспериментально доказано что существует еще и иная «подпороговая - неосознаваемая чувствительность» разных рецепторов анализаторов нам подобных относительно объективной идентификации и диагностики ими «подпороговых» сигналов от внешних и внутренних источников, когда и эти призмы нам уже не помогают их, например, «осознаваемо увидеть, услышать (или ощупать, унюхать, вкусить)». Наш живой организм принимает сигналы и получает информацию которую мы «не наблюдаем осознанно». Мы можем моторно реагировать нашим манипулятором на «неощущаемую в осознаваемом», но, идентифицируемую нашим органом зрения разницу полной темноты 1-й ситуации и 2-й - всего в один фотон (см. Ичас...США.). Но, фотон, квант излучения волн электромагнитного поля, «увидеть осознаваемо» невозможно ни через какую «практическую призму». Например, «электронный микроскоп» — это метафора для дилетантов, ибо это совсем не микроскоп, молекулы и атомы им исследуемые все равно остаются «прямо и непосредственно осознаваемо невидимыми» естествоиспытателям, ибо их реальное существование для нас есть следствие использования нами еще и «теоретических призм» современных научных теории физики, как части математизированных экспериментальных естественных наук.

Мы принимаем эти наши «социокультурные теоретические призмы (например, «теории устройства атомов»)» за модели внутреннего устройства «черных ящиков» в принципе

«осознаваемо ненаблюдаемого», нельзя забывать то, что это «модели без наблюдаемого прототипа (т. е. это «не модели прототипа нам известного», а «конструкции ненаблюдаемого устройства функционирующего в наблюдаемой среде»)), но, позволяющие нам адекватно и результативно управлять поведением «черных ящиков» на наблюдаемом выходе, путем воздействий на наблюдаемые входы, в связи с чем у нас есть и практический критерии выбора из их альтернативных вариантов. Разнообразие наших игр с «черными ящиками» постоянно растет, не которые мы позже в экспериментальных практиках «раскрываем», превращаем в «прозрачные (белые) ящики», а некоторые никогда в указанном смысле «не раскроем», но, можем научиться ими адекватно — результативно, с ростом уровня эффективности практически управлять, все более и более «правильно угадывая» их внутреннее устройство.

С помощью призм мы смогли разложить белый цвет на его составляющую радуго цветов (изобретатель — открыватель, видимо, И. Ньютон, создатель «корпускулярной теории света», ?) и, затем, синтезировать его из радужного многоцветья (он же или кто и когда впервые?).

Человек - творящий, воспроизводящий по своему свободному выбору и использующий в своей практической деятельности призмы, как бы уподобился великому волшебнику, всемогущему и всеведущему божеству, ибо воспроизводил адекватно и результативно чудо «РАДУГИ», подобно праматери природе и -или богу - «творцу неба и земли», сопереживая себя, как «богочеловек или — и человекобог». Кроме того, используя эту практическую, новую технологически — экспериментальную и теоретическую «социокультурную призму» новой субкультуры, рождающейся фундаментальной и прикладной науки математического экспериментального естествознания и его экспериментальной инженерии Западно -Европейской Цивилизации, человек смог дать научное объяснение многим наблюдательным данным о естественной макро «РАДУГЕ» в Небе над Землей и смог научно предсказывать, с относительной точностью, появление этого «божественного чуда» в небесах, при наличии идентифицированных им необходимых и достаточных для этого условий. Осталось только от теоретической и управляемой адекватно и результативно по микромодели натурной «искусственной радуги», в экспериментах перейти к макроуправлению в макро экспериментах «Радугой в атмосфере Земли» по макромоделю (автору неизвестны такие «проекты — планы» и мера их реализуемости - утопичности).

Из этого разнообразия типовых социальных практик 1 -го рода «адекватного использования даров природы (познание и овладение явлениями, феноменологические практики их

использования)» и 2-го рода - «искусственного адекватного и результативного воспроизводства искусственных ресурсов — благ для их использования (познание и овладение сущностью данных используемых феноменов на том или ином уровне полноты и глубины, систематичности и точности знания о них)», доступного нам подобным на данном этапе эволюции вида социума и его культуры, и формируется 1. разнообразие видов конструктивных инженерий для проектирования пробных практик и опытных образцов новых изделий, 2. разнообразие научных теорий, с теоретическим конструктором для моделирования и конструирования конструкций, которые образуют уже множество «теоретических социокультурных призм». Вплоть до метаматематических «призм» и «аппарата философских категорий», как предельно общих и универсально применимых понятий, их пар, троек нашего «философствующего языка — мышления», их авторских «систематизаций» некоторыми философами в философских категориальных онтологиях.

Социокультурные призмы, как бы конденсируют, кристаллизуют, сжимают накопленный нами специализированный, конкретный практический опыт, используя пробно - ошибочные трансформации которого мы, с нашим интеллектом в процессе самообучения новому, можем получить аналогичный (создавая и используя более или менее близкие- отдаленные аналогии и аналоги), хотя и не тождественный старым, новый специализированный конкретный практический опыт более или менее существенно обогащающий разнообразие наших адекватных и результативных социальных практик, следовательно, и разнообразие наших «социопрактических и теоретических призм».

Философия «субъективного материализма» российского физика и философа, проф. И. С. Алексеева, как последователя Г.П. Щедровицкого и самостоятельного оригинального философа и историка науки 20 века (см. кн. «Принцип дополнительности» и сб. ст. и мемуаров о нем), дополняет с логической неизбежностью классификацию всех возможных предельных случаев, альтернативных видов философствования выделенных в 19 веке, с помощью двух пар антонимов, философских категорий (1. пара - «субъект, субъективное — объект, объективное» и 2. пара - «идеал, идеальное - материя, материальное»), и определенным несколько новым образом модифицирует ее как бы создавая двухмерное пространство признаков любого возможного в культурах эпохи Цивилизаций типа философствования, «философского самосознания вида культуры данного вида социума данного типа этноса, Цивилизации».

Выбрав точку $x=y=0$ для «объективного материализма (например, типа «естественно — научного», с «первоначалом и основой всего» типа «вечная природа со сменой её состояний в глобальной её эволюции, структуры её веществ и полей взаимодействий, частицы и волны в ее пространстве - времени)», получаем противоположную, симметричную, относительно точки пересечения диагоналей квадрата плоскости двух признаков, точку $x=y=1$ для «субъективного идеализма (например, как подобного философии у Беркли, Фихте, Маха), с первоначалом и основой всего типа «Я осознающее и осознаваемое осознающим Я: образы ощущений и восприятий, в т.ч. самоощущений и самовосприятий, замкнутые самопорождающие новые тексты семантические поля запомненной мной наизусть библиотеки - лабиринта текстов языка, иерархии мышления о мышлении и осознания осознания (интенциональность и замкнутость «семантических миров»)».

Соответственно, используем точку « $x=1$, при $y=0$ » для «объективного идеализма (не важно религиозной философии или не религиозной)», с первоначалом и основой, например, типа «абсолютной идеи, абсолютной системы идей, мира идей и идеального мира», а противоположную ей, симметричную относительно вышеуказанной точки, точку « $y=1$, при $x=0$ » - для «субъективного материализма», с первоначалом и основой всего типа «социальные практики нам подобных и их культура».

Напомним, что именно компетентным физиком, с научными заслугами еще в молодые годы, И. С. Алексеевым сформулирован и публично высказан в Мальцевской аудитории, НГУ, в Академгородке, вызывающий тезис, как вполне естественный вывод, из его «субъективного материализма»: «Электрон — явление социальное!». Этот «интеллектуальный удар по здравому смыслу части научного сообщества физиков» не есть форма эпатажа, а есть форма рациональной философской критики варварского ложного отождествления

нами А. и В.:

А. наших научных знаний о природе, в т.ч. об электронах и позитронах, фотонах, как кентавр — объектах «корпускулярно — волновых»;

В. от них независимой природы, никаким «знанием (описанием, с предписаниями, например, в форме вопросов и ответов, в текстах языка, периодически «осознаваемыми», как имеющие «семантику, значение и смысл)», ни экспериментальным, ни эмпирическим, конечно же, не являющейся. Эти «верования — онтологизации верующих», описаны и другими физиками, как «синдром Пигмалиона» (по физика Сингх), См. так же + истолкования этого «синдрома» у

Розова М.А., об их универсальности и неустранимости, см. по авт. ст. «Парадокс Цахеса — Циннобера и принцип бирефлексивности» 1978 г., даже в «эмпирической эпистемологии» МАР (сноска на будущую публикацию на сайте).

В современной философии и истории науки это именуется актуальной проблемой «научного реализма» (и-или «научного номинализма»), как новой формы постановки классического вопроса о том, «что такое истинна и заблуждение, верование, сомнение и неверие в истинность или ложность знания?». Согласно радикальному варианту «субъективного материализма», все наши знания о чем либо определяемом, как природное, есть лишь превращенная форма существования «социальных практик (в т.ч. практик научных экспериментов)», с их культурой «деятельностного знания и знающей деятельности, мыследеятельности» (по Г.П. Щедровитцкому). Сформулированная И.С. Алексеевым знаменитая метафора или символ «гносеологического батискафа, с познающими субъектами, их практиками и культурами внутри» демонстрирует то, что вся внешняя среда, только наблюдаемая нами в «иллюминатор батискафа», но, практически и экспериментально даже не используемая внутри него и, тем более, искусственно не воспроизводимая в его практике, как «вторая природа», может быть идентифицирована и объяснена, предсказана нами только через вышеуказанные «призмы» уже имеющиеся внутри нашего «гносеологического батискафа».

Только подобного рода «призмы», и на наш взгляд, позволяют нам так же и наиболее рациональным методом «познать самих себя, свою общественную и личную жизнь в культурной среде социума, свое познание и знание», просто более надежных «призм» у нас нет, ибо и если «социокультурный гносеологический батискаф» человечества изолирован от вмешательств извне, как полезных, так и вредных, нам остается реалистично надеяться только на самих себя в этом «бесконечном общем деле» рационального познания и управления природой и нашей собственной общественной и личной жизнью в культуре.

В этом месте данного текста автор философствует пока что в альтернативе именно «субъективного материализма», в только что вышеизложенной интерпретации его «первоначала и основы», хотя и считает, что «объективный материализм» и «субъективный материализм» принципиально дополнительные, как целостное философское отношение человека к действительности.

И вот, например, вместо прямых и обратных преобразований практических типа размораживания льда и замораживания воды («кристаллизации перенасыщенного раствора»), кипячения воды и

конденсации пара в множестве наших социопрактических действий мы получаем множество им аналогичных социальных практик, позже, в научных теориях математического экспериментального естествознания, обобщенных и обозначаемых, как «смена 3 агрегатных состояний разных веществ (твердого или кристаллического, жидкого и газообразного, - или + плазма)», в итоге модификации таких параметров их состояния, как температура, давление, объём, а так же, получаем мегамодели «кругооборота воды в природе», микромодели «кругооборота воды в живом организме, с его вида эконишей».

А вместо, аналогов «духов — хозяев стихий» и «душ предков» якобы бытующих и внутри «духовно — душевного мира» организма каждого из нас, мы смогли, используя в том числе социопрактические призмы «запряжённых в колесницу коней и возничего, управляющего ими», «капитана — кормчего корабля и его матросов — команды», «рабов и управляющего их работой и жизнью хозяина - рабовладельца», распознать наше «духовное, идеальное Я», как внутреннего «управляющего», а нашей «души страсти, эмоционально окрашенные желания, стремления, умения», в т.ч. телесно ориентированные, как им «управляемых (например, см. метафоры и идеалы, аналогии Платона в «Диалогах» и «Государстве»)».

Позже, это преобразуется в «теорию» личного самосознания индивида, с его «единством трансцендентальной апперцепции (Кант)», с его «Я — переживанием, образом — концепцией (Я -биография, Я — актуальное, Я — проект, мечта, идеал)», в рамках со и противопоставления с его «Мы — переживанием, образом, концепцией (например, этноса, Цивилизации)», если нет «патологии социального одиночества» (см. примеры таких «теорий» у некоторых социальных психологов и социальных психотерапевтов).

Социокультурные практики театрального искусства, детских ролевых игр по правилам, юридическо — административного «языка — мышления» управляющих управляемыми позволяют членам сообщества исследователей «социологов» и некоторым из «социальных психологов» разработать и использовать «призму» обозначаемую, например, как «система социальных мест, положений, позиций и функций, прав и обязанностей, норм, образцов и правил, ролей», используемую в «позиционно — ролевом подходе» и «нормативно — ценностном подходе» к исследованию любого социокультурного поведения и интеракций нам подобных в любых социальных группах и организациях тех или иных видов «социумов — культур». Сосредоточимся на вопросе о роли только 2-х классов таких «социокультурных призм» наиболее важных для формирования социокультурной когнитологии.

1.2. 1-й класс. «Призмы» образцов, моделей — проектов и теорий «информационно - кибернетических систем».

Социокультурные адекватные и результативные практики управляющих, руководителей разделением и кооперацией, координацией индивидуальной деятельности соучастников в их совместной групповой деятельности, как управляемых, исполнителей (в процессе группового производства продукции, оказания музыкальной услуги оркестром, в военных действиях вооруженных конфликтов на уничтожение противника)- это так же социопрактические призмы, которые позволяют нам по аналогии понять, что головной мозг управляет (т. е. функционирует, как «руководящий центр») координацией функционирования разных органов чувств и органов действия множества разных видов живых организмов, с их поведением в среде. А позже, эволюция подобных «призм» порождает замену живого организма человека контролера (идентификатора сигналов) и регулировщика (реализатора регулирующих воздействий) квазистационарной полезной циклической работы парового двигателя на центробежный механический авторегулятор (и автоидентификатор) Уатта, еще позже обобщенный в математической модели «замкнутого цикла авторегулирования, с отрицательной обратной связью» Максвелла и в «теории функциональных систем человеческого организма, с регуляцией по программе, с акцептором результата для контроля (для приема сигналов о его наличии — отсутствии, отклонениях от нормы результата для их корректировки регулируемыми воздействиями)» физиолога акад. Анохина (по некоторым, непроверенным автором, репликам в литературе, опередившего в этом пункте «Кибернетику» Н. Винера, якобы это признававшего).

Коммуникативные социопрактические призмы коммуникации типа письменности, книгопечатания, шифрования и дешифровки посланий, в комбинации с экспериментальными призмами формирующейся науки об электричестве и магнетизме, порождают практики «азбуки Морзе» и «производства — использования электромагнитных реле и линии передач (приема) электрических сигналов» в «устройствах телеграфной связи» по Морзе. Другая логико-математическая традиция порождает теоретическую призму «алгебру логики» Буля (булева алгебра, булевы функции, как основа матлогики, позже оказавшаяся идентичной «логике схем электромагнитных реле», в дисс. К. Шеннона). Далее, социальные практики производства и использования, совершенствования «авторегуляторов регулируемых объектов» и

«автоматических систем электромагнитномеханической связи» порождают разные новые социальные информационно - кибернетические практики и «теории информационно — кибернетических систем» искусственных (включая, модель - проект «самовоспроизводящегося автомата, в среде его деталей» Дж.фон Неймана), естественных (в т.ч. и прежде всего, в «живой природе») и социокультурных. Например, см. подробнее модели социальных коммуникаций и матлингвистики, рыночной саморегуляции экономической жизни, социокибернетики и социоинформатики, в т.ч. модель автора с коллегами «гиперцикла самовоспроизводства простейшего вида саморегулирующегося социума — культуры, устройств и содержаний его социальной памяти, в природной, окружающей среде».

Это и есть первая специфическая новая «теоретическая призма» прошлого века, как разнообразие образцов, моделей, проектов простых и сложных информационно — кибернетических систем, в среде, включая, роботокомпьютерные, киберфизические и киборги, мировую сеть интернета и матмодели иерархических, многослойных искусственных нейросетей, доставшаяся нам в наследство, могущая быть совершенствуемой и используемой в нынешнем веке в формирующихся науках об обществе, культуре и человеке. Конечно, только если их представители ориентируются в поисках самосовершенствования «уровня научности» на высшие из ныне нам известных эталоны «научной рациональности, с научным реализмом (и — или номинализмом)» точных наук математического экспериментального естествознания и их комплексы в эффективных прикладных практиках, для их «творческой имитации собственными средствами» применительно к собственным темам и проблемам.

В 19 веке и начале 20 века данного класса разнообразных «теоретических призм» у нас не было или они были почти неизвестны представителям данных сообществ исследователей, или важность даже самых простых из них большинством их представителей явно недооценивалась. Не использовать их ныне — совершить большой грех против «интеллектуальной совести» сообщества исследователей «стремящихся к получению новых научных знаний» и организационно — управленчески, родительско — педагогически и психотерапевтически ориентированных сообществ практиков для «эффективных новаций на фоне традиций».

1.3. 2-й класс. «Призмы» биологии, на базе генетики и генной инженерии, биофизики и биохимии «клетки».

Наряду с этим первым новым классом разнообразных социопрактических и теоретических призм из накопленного опыта науки и научной инженерии, у нас есть всего лишь еще один принципиально новый их класс, так же доставшийся нам в наследство от прошлого века. Речь идет о призмах «генетики в биологии» (включая генетику поведения о генотипах генофонда популяции для реализации видотипичных поведенческих фенотипов в видотипичных эконизах и внутрипопуляционных контактах), «генной инженерии», в новых биотехнологиях, и «молекулярной биологии, биофизики и биохимии клетки», включая, клетки зародышевые оплодотворенные и разнообразия органов нам подобных живых организмов, и их живые иерархические нейросети (НС, с ЦНС и головным мозгом человека, в т.ч. как объект психонейрофизиологической когнитологии человеческого поведения в ситуациях среды).

Известно, что информационно — кибернетические призмы нашли широкое использование в генетике и генной инженерии, а модели — проекты молекулярной биологии, биофизики и биохимии, использующих их биологических наук, нашли применение в бионике информационно — кибернетических технологий (см. например, модели «автоволны нейрона» Винера — Розенблюта и нейросети, биоТриз Богатыревых, и данные о киборгах и протезировании органов чувств и действия у нам подобных, о нейроинтерфейсах).

Конечно, есть еще новые социопрактические и теоретические призмы математических экспериментальных естественных наук физико -химических, их прикладных инженерий (не только биофизики и биохимии, харда роботоконпьютерных систем), а так же, экологии и этологии (включая, этологическую когнитологию) в бионауках. Но, первые дают нам только очень отдаленные аналогии, применительно к проблемам наук об обществе, культуре и человеке (см. например, идеи о синергетике информационно — кибернетических систем, в среде, циклов самовоспроизводства видов социумов — культур, как проточных (открытых) систем, в т.ч. автора с коллегами, идеи о «куматоидности» и «топоцентризме» М.А. Розова применительно к проблемам прогресса наук об обществе, культуре и человеке), а вторые, на наш взгляд, пока что мало чего принципиально нового на уровне высших эталонов «научности» дают нам относительно уже известного в конце 19-начале 20 вв., кроме новых, более надежно обоснованных научных фактов и эмпирических закономерностей.

Между тем, наличие специфических социальных коммуникации и отношений «управление — исполнение», саморегуляций, самоуправления внутри всех видов социумов — культур, на любом уровне их иерархического устройства, в большинстве случаев для образованных интеллектуалов — очевидно. Как, впрочем, и наличие в них аналогов «памяти информационно — кибернетических систем», «генетически наследуемой, онтогенетически врожденной памяти» у сообществ нам подобных. Например, не случаен рост случаев и разных способов употребления понятий в научной литературе:

а. социальная память, память культуры;

в. культурные идентификаторы и регуляторы социальных акций и интеракций между нам подобными в социокультурных типичных ситуациях;

с. социальные нормы, как образцы, живые примеры поступков в ситуациях и вербальные правила, предписания и запреты (инструкции, планы), табу, с социальным контролем, поощрением и наказанием их соблюдения, отклонений от норм, в циклических процессах социального управления — исполнения в социальных группах и организациях (см, например, опубл. ст. автора о «СУИД, с СУИО» в «СРКТ»), с их вертикальными и горизонтальными социальными коммуникациями;

д. социальные программы и их практические, поведенческие реализации, «социальное программирование».

Например, в случае п.д. - 1. родительское программирование в социальной психотерапии,

2. нейролингвистическое программирование в социальной психотерапии,

3. эволюция социальных программ поведенческой активности (и пассивности! Авт.) человека (например, см. Флиер),

4. воспроизводство социальных образцов, как социальных, генетически ненаследуемых, программ акций и интеракций между воспроизводящими их участниками «социальных эстафет (по одноименной «теории социальных эстафет, социальных куматоидов» проф. М.А. Розова, используемой им в его «эмпирической эпистемологии»)),

5. иерархическое множество взаимосвязанных социальных программ, как минимум, из двух, где первая программа практической реализации имитируемого прототипа, а вторая программа — практической реализации его игровой имитации, в « иерархических устройствах социальной памяти игровых имитаций» нам подобных, реализующих поведенчески в ситуациях типовых только одну из двух данных социальных программ, например, только игровую практику (как

игровую модель имитируемого прототипа, по одноименной «теории игровых имитаций» автора, см. опубл. тезисы начала 80-х гг. «Об имитационной природе игры» и след. статью 2 данного сборника).

2. Иерархические устройства социальной памяти и коммуникации, интеллекта и рефлексии «игровых имитаций».

Рассмотрим, например, последний только что вышеуказанный случай использования 2-х классов вышеуказанных «призм», ибо разнообразные фактические, в т.ч. из ретроспективных и формирующих экспериментов, данные о множестве «игровых имитаций (детских, театральных, имитационной магий, инженерных, научных)» специально и подробно исследовались автором данного текста именно в ракурсе этих «призм». Напомним, что, согласно, коллегам по ФБ, А. Эйнштейном в беседе с Ж. Пиаже (автор «генетической экспериментальной эпистемологии») был высказан афоризм:

«Теория относительности — детские игры, сравнительно с теорией детской игры».

М.А.Розовым, как в прошлом научным руководителем автора, перед мною тогда в середине 70-х г. прошлого века, как его аспирантом, была поставлена сверхзадача не много и не мало (ибо тема многотысячелетних гуманитарных исследований), как построить «мнемологическую модель мифа, как текста устной речи естественного языка первобытной культуры (естественно, запомненного наизусть всеми ее представителями, с данной их языковой общностью)», т.е. как особого вида устройства социальной памяти и типа нормативных систем в русле его «теории нормативных систем, как нормативных структур из их участников с копирующимися в них социальными нормативами». В поисках ее решения автор обратился еще и к материалам об имитационной магии первобытных культур и их аналогам в современной нам культуре, ибо некоторые исследователи первобытных мифов высказывали предположение о том, что «первобытный миф — сценарий (текст сценария- авт.) магического ритуала (религиозного обряда)», по метафоре или аналогии с феноменом нашей культуры - «искусством театра», и выводами истории происхождения театра, с его «спектаклями, по сценариям», игрой театральной труппы актеров, драматургами и сценаристами, режиссерами и театральной публикой.

Вопреки Ф. Ницше древнегреческие трагедии и комедии древнегреческого театра возникли не из «духа Музыки», а из священных религиозных мифов и культов древнегреческих этносов, часто, если не всегда, типа «ритуалов групповой имитационной магии». Впрочем, к иррациональному

отношению человека к действительности (явному в случаях всех известных видов имитационной магии) и наша более или менее рациональная практика творения, исполнительского воспроизведения и эстетического наслаждения музыкальными произведениями весьма близка, «дух Религии» близкородственен «духу Музыки и дух Танца» в семье «духов Древнегреческой Цивилизации». Важную роль сыграло ознакомление автора с книгами: «О работе актера над собой» Станиславского и «Психология детской игры» Эльконина, «Нарушения игровой деятельности» Лебединской, «Homo ludens» Хейзинги, «Колдун и его магия» К. Леви-Стросса и других авторов религиоведов публикациями, где, в частности, указывалось и на феномен «вживания актера, колдуна в роль и перевоплощения», и так называемого «заигрывания» детей в ходе игры (в т.ч. в форме сопротивления «выходу из роли» в связи с требованием взрослых остановить игру).

Краткий итог 50 лет поиска автором пути решения и данной поставленной МАР задачи и изложен ниже. Отметим, что первая идея и простейшая модель, была автором предложена на заседании НМС, в Академгородке около 81-83 гг., уже под руководством С.С. Розовой, с докладом «О религиозном (иррациональном) отношении человека к действительности», ибо автор в оппозиции М.А. Розову центр внимания сместил, с феномена «знание в текстах языка», на феномен «верования в реальность», последующем выступлением на конференции в НГУ «Методологические проблемы имитационного моделирования» и публикацией статьи, в начале 80-гг. « Об имитационной природе игры», откуда и истоки современной авторской «теории всех возможных игровых имитаций».

2.1. «Всадник, скачущий на коне» или-и «игрок, прыгающий на палочке»?

В устройстве социальной памяти любых игровых имитаций, как социокультурной матрице, порожденной в простейшем имитационном самообучении или в той или иной культурной форме «ритуала Урока», существующем всегда на базе индивидуальной памяти каждого игрока — имитатора в их цепи воспроизводства данной «игровой имитации», может и должна по необходимости храниться:

А. социальная программа «скачки всадника на коне»;

В. социальная программа «прыжков игрока (имитатора, актера) с палочкой, изображающей коня». Или, другой пример, и А. - социальная программа «рубки поленьев на дрова топором

рубщиком», и В. социальная программа «размаха — удара палкой по предмету игрока (имитатора, актера)».

В объективном иерархическом устройстве их социальной памяти, существующем на базе индивидуальной памяти каждого игрока — имитатора в их цепи, обе социальные программы А и В функционируют взаимосвязано и синхронно, не смотря на то, что практически, в реальном поведении реальной ситуации, здесь и теперь реализуется только одна социальная программа. Например, реализуется только программа указанная в п. В. — воспроизведения практики игровой имитации (реализация социальной программы «прыжков игрока, актера с палочкой изображающей коня» или «размаха — удара игрока, актера палкой по предмету»).

Согласно методологии «эмпирической эпистемологии» М.А. Розова исследуемая нами в этом случае «система, в среде» относится к классу «систем, с рефлексией (с «осознанием» своего поведения в ситуациях, с его «самоописанием - самопредписанием» в простейшем случае) и рефлексивными преобразованиями (в т.ч. порождающими феномен «рефлексивной симметрии и асимметрии»)), требующих специфических методов ее научного исследования и учета роли «рефлексии исследуемой системы» в ее воспроизводстве и эволюции.

Обратившись к данным рефлексии участников игровых имитаций мы обнаруживаем, что в субъективных данных экстраспекции и интроспекции, в семантизированных образах, картинах социальной рефлексии игрока — имитатора, актера - может существовать несколько альтернативных фантомных, субъективных содержаний его «осознаваемого осознающим».

1-я. «Субъективная картина — концепция», как обычная социальная норма рефлексии современной нам культуры, когда игрок - имитатор «осознает в восприятии» реализацию и своего игрового, имитирующего социального действия в ситуации, прыжки, с палочкой изображающей коня, и «воображает осознанно» реализацию прототипного, имитируемого практического действия в «воображаемой ситуации» - скачку всадника на коне.

Например, как это может иметь место в школе театральной игры актера интеллектуального театра Б.Брехта, напомним, ее правило «отношения актера к исполняемой роли со стороны (отстранённости?)», с выражением им авторской и актерской точки зрения при ее им исполнении, т. е. без требования «вживания в роль и перевоплощения», аналог есть уже и в норме детской рефлексии детской имитационной игры.

2-я. «Субъективная картина — концепция», как обычно редкое и кратковременное отклонение, девиация (иногда и явная «патология») от вышеуказанной нормы рефлексии в нашей культуре,

когда игрок - имитатор « осознает в восприятии» только якобы существующую практическую реализацию им «программы скачки всадника на коне», т. е. имеет устойчивую такого рода динамическую «иллюзию — галлюцинацию (включая иллюзию - галлюцинацию о самом себе - всаднике)», следовательно, «не осознает в восприятии и не воображает» практически им реализуемую «программы игры - прыжки с палочкой, изображающей коня», т. е. имеет устойчивую блокировку «осознания возможного актуального ощущения, восприятия, самоощущения, самовосприятия» хода объективной реализации им, как игроком игрового практического действия, прыжков, с палочкой изображающей коня.

Игрок — имитатор отождествляет, идентифицирует себя, и осознает, как 1.«всадника, скачущего на коне», а 2. «палочку — изображение коня» с «конём, на котором он — всадник — скачет», и 3. «прыжки» со «скачкой».

При этом «здесь и теперь», на наш взгляд, в его вербализированной рефлексии нет «осознания использования» каких либо аналогов художественно — выразительного тропа речи типа «метафора» (см. об этом подробно опубл. ст. К. Алексеева, в т.ч. на сайте). Например, подобных следующим вариантам, в каком либо из 3-х явно возможных и рефлексивно — симметричных (по МАР «теории рефлексивных преобразований»), «понимания — переживания» одной и той же «пары связанных социальной информации (программ)» в трех рекомбинациях, реструктуризациях — реорганизациях множества составных частей следующего текста и его семантики:

метафора А. «игрок прыгающий, с палочкой — всадник, скачущий на коне» («игрок — всадник» референты репрезентаторов в знании по МАР, темы для ремы в текстах по Р.Барту);

метафора В. «палочка, с которой прыгает игрок — конь, на котором скачет всадник» («палочка — конь» референты репрезентаторов в знании по МАР, темы для ремы по Р.Барту);

метафора С. «прыжки игрока, с палочкой — скачка всадника, на коне» («прыжки — скачка» референты репрезентаторов в знании по МАР, темы для ремы по Р.Барту).

В данном случае, в данный момент в данном месте в рефлексии игроков есть то, что описывается религиоведами, как феномен «магического отождествления — мифического (мифологического) отождествления», а искусствоведами, как феномен «отождествления художественного произведения - изображения и изображаемого», в гносеологии = эпистемологии, как феномен «объективации субъективного (в более сложных случаях «онтологизации содержания вербализированных знаний, семантики текстов)».

Например, нечто явно аналогичное есть в данных о девиантных феноменах а. «заигрывания» в детских индивидуальных и групповых имитационных играх, в феноменах в. «вживания и перевоплощения актера в роль» в спектакле школы театральной игры актера по Станиславскому, в феноменах с. индивидуальных и групповых обрядов, ритуалов имитационной магии первобытных культур и в некоторых, как минимум, религиозных культурах и верованиях эпохи Цивилизаций, с как бы «религиозным спектаклем на тему религиозного верования - мифа, как сценария обряда, данного культа с данным верованием». Например, напомним знаменитый «танец, с песнями или спектакль» по отчетам внешних наблюдателей «магического имитационного обряда охоты на бизонов», у манданов Северной Америки в 18-19 вв., см. так же кн. Л.Леви -Брюля и данные этнографов в США, и отечественных религиоведов и мифологов - Штернберга, Анисимова, Токарева, Кессиди (и др.), у «колдуна (шамана) в его имитационной магии» (см. ст. К. Леви — Стросса «Колдун и его магия»). Напомним, еще раз, что специалисты филологи - мифологи и этнографы не случайно именуют отдельный первобытный, архаичный «миф, с текстом» именно «сценарием религиозного ритуала», без и вне которого этот текст полно и глубоко исследователю не возможно понять (см. опубл. ст. автора и работы выдающихся отечественных и зарубежных специалистов о «мифах и ритуалах»), так же как он становится во многом непонятным самим исследуемым, если «бытование» текста мифа сохраняется, а его «священный ритуал» забывается в сообществе. Это особо часто имеет место при «культурных языковых заимствованиях текста мифа» и превращает миф — текст в загадку требующую для разгадки историческо - этнографической реконструкции его возможного священного имитационного ритуала, и напоминает аналогичную ситуацию с текстом о ходе и итогах радикально нового научного эксперимента, которого читатель - пониматель данного, того же самого или другого, научного сообщества еще ни разу практически не видел, как образец воспроизводимый и сам не воспроизводил, а необходимо «правильно понять и полно, точно воспроизвести».

Существует и еще одно - 3 -е отклонение от нормы рефлексии игровых имитаций в нашей культуре, здесь нами оно предсказывается для экспериментальной проверки, как отклонение обратное уже выше указанному отклонению от нормы:

всадник, скачущий на коне, имеет в «актуальном осознаваемом» только реализацию «программы игрового практического действия», где он только «игрок (имитатор, актер) прыгающий с палочкой, изображающей коня». Наличие у него такой устойчивой кратковременной или

длительной «иллюзии, галлюцинации» нами предполагается, как и наличие соответствующей блокировки «актуального осознания возможных ощущений, восприятий текущих, и самоощущений, самовосприятий» у всадника, реально скачущего на коне, об этой его социальной практике им объективно реализуемой по ее социальной программе.

Кроме того, у идентичного объективного «всадника скачущего на коне» может иметь место его «эстраспективно — интроспективная, рефлексивная картина — концепция» не девиантная, вполне соответствующая норме нашей культуры, существенно подобная той, которая описана в п.1 для «игрока — имитатора прыгающего, с палочкой изображающей коня», т. е. обе из пары связанных социальных программ «актуально осознаются» всадником, и актуально практически реализующаяся всадником скачущим на коне, и реализуемая только лишь в его «воображении (как принято говорить), как прыжки игрока, с палочкой изображающей коня». Подобные девиантные ситуации, видимо, имеют место в некоторых аналогах и предельных отклонений от нормы типа «имитационного регресса в детство, в виртуальную игровую реальность для ухода от осознания невыносимого своего участия в актуальной действительной практической жизни, в принципе не удовлетворяющей важные личные жизненные потребности», в «поэзии, как образе жизни подлинного поэта в его собственной поэтической действительности», в «романтическом воображении жизни - романа» практически реализуемой утопии всех возможных «Дон — Кихотов», в т.ч. как «политических утопистов», при их реальной жизни в суровой антиутопической действительности, с феноменом обозначаемым в языке «психотерапии» (а теперь, благодаря политафоризму физика по образованию и политдеятеля Ангеле Меркель, и в языке «международной дипломатии») - «отрыв (исследуемого, пациента, девианта, неадекватного политического деятеля) от реальности».

Указанное свидетельствует и о том, что отношение «имитируемое, изображаемое — имитирующее, изображающее» в принципе обратимое, причем, функционирующие синхронно социальные программы, из их связанной, минимум, пары, могут меняться местами и функциями:

А. то игрок — имитатор, актер играет - имитирует всадника скачущего на коне и это воспроизводится в цепи таких последователей - предшественников;

В. то всадник скачущий на коне играет- имитирует игрока — имитатора, актера прыгающего с палочкой, изображающей коня и это воспроизводится в цепи таких последователей - предшественников. В зависимости, как минимум, от выбранной почему либо участником, той или другой из двух цепей воспроизведения двух видов «игровой имитации» А или В:

во 1-х - задачи для решения, рефлексивной установки, не важно, задачи сознаваемой или неосознаваемой его рефлексией;

во 2-х - наличия — отсутствия актуальной ситуации для практической реализации той или иной социальной программы из данной их закономерно связанной пары.

Возможен и еще один случай странный С., когда один и тот же индивид из нам подобных, функционирует то в «позиции и роли» проблемной ситуации указанной в п.А., то в п.В., периодически «меняя одну из двух позиций и ролей на другую», например, в зависимости от идентификации наличия одной из двух известных ему альтернативных проблемных ситуаций, и смене целевых установок его рефлексии, при наличии идентичной, инвариантной связки двух социальных программ в его иерархической социокультурной матрице иерархического устройстве социальной памяти игровых имитаций.

Аналогия - в профессии актера «школы Станиславского» - то при «перевоплощении в роль в мизансцене» спектакля по сценарию, то перед выходом или после исполнения этой роли «за кулисами».

Причем, в любом из рассмотренных 2-х случаев (указанных выше в п.А и п.В), с двумя существенно различными «картинами - концептами рефлексии» в каждом (нормальной в нашей культуре и девиантной, вплоть до патологической а ла «Какой я — мельник, я — ворон!» в «Русалках», или «Какой я Иванов — я Наполеон!» при мании величия 19 — начала 20 вв.)», объективно существует та же самая пара взаимосвязанных и синхронно функционирующих социальных программ, которая только реструктурируется и реорганизуется альтернативным образом, со сменой мест и функции «имитируемая — имитирующая» для того или иного типа направленности их использования в той или иной из двух типовых проблемных ситуаций.

Следовательно, данная связка пары социальных программ оказывается «информационным инвариантом» данных прямых и обратных реструктуризаций — реорганизации:

1. инвариантного иерархического устройства социальной памяти, социокультурной матрицы, хранящей связку пары социальных программ, и функционирующей в индивидуальной памяти каждого имитирующего;
2. обратимой смены у него двух альтернативных «картин- концепций рефлексии» относительно актуального хода практической реализации одной из двух социальных программ, в обоих случаях.

Имитируя высказыванию М.А. Розова в одной из последних его публикаций по аналогичному, но, не тождественному случаю, отметим следующее:

этот объективный информационный инвариант («социальная информация, как пара связанных социальных программ») нельзя уже именовать ни «образом экстраспекции — интроспекции», ни «знанием, как осознаваемой семантикой текста плана практического действия», он есть нечто объективное, в т.ч. intersubjective и надличностное, это именно некоторые связанные и синхронно функционирующие две записи двух «социальных программ» данной социокультурной матрицы, как вида устройства социальной памяти хранящегося в индивидуальной памяти каждого участника - последователя, объективно воспроизводящего и данную «практику игровой имитации» его предшественников (как бы «наблюдаемый — демонстрируемый социальный образец, пример» игрового действия игрока), и ее как бы косвенно, опосредованно «демонстрируемые предшественниками, наблюдаемые последователями» имитируемые прототипы. О том, что здесь есть их объективная связь, связанная и с внешней коммуникацией, с сигналами на носителях, между последователями и предшественниками, а что - лишь «субъективное содержание объективируемой картины -концепции рефлексии», например, последователя о предшественниках — отдельная тема (см. подробнее, например, текст автора о «ФСИС» на сайте и следующую статью 3).

2.2. Социокультурная матрица «игровых имитаций» и её «социальный куматоид».

Процесс воспроизводства последователями предшественников «игровой, имитационной социокультурной практики», как целостного феномена культуры данного социума является явно «социальным куматоидом (волноподобным объектом)», по предложенному проф. М.А. Розовым новому термину, с его «социокультурной матрицей», т.е. устройством его социальной памяти, но, особого рода. Это связано с тем, что он как бы латентно для внешнего наблюдателя является объективно «двухуровневым, двухъярусным социальный куматоидом(параллельно, синхронизировано функционирующие, связанные пары записей социальных программы внутри социокультурной матрицы индивидуальной памяти каждого участника структуры воспроизводства данной игровой имитации)», а иногда, двойственным «образом — концептом» и в содержаниях рефлексии имитаторов, но, феноменологически (методом классического бихевиоризма) из вне он наблюдается, как «одноуровневый, одноярусный», ибо практически

объективно реализуется каждым участником только одна из двух связанных социальных программ социокультурной матрицы его игровой имитации.

Это отдаленно напоминает «айсбергволну», колебания в цепи айсбергов в океане, при океанской волне, для надводного наблюдателя колеблются последовательно только их надводные части, а для еще и подводного наблюдателя колеблется айсберг в целом, из его двух неделимых частей, надводной и подводной.

«Социокультурные матрицы социальных куматоидов» - новый термин предложенном автором статьи, для обозначения такого аспекта, части целого «социальных куматоидов», как А. их «социальная запрограммированность социальными, генетически ненаследуемыми, программами», и В. «запись, хранение, считывание записей социальных программ» в такого рода функциональных устройствах социальной памяти, на базе индивидуальной памяти совокупности или множества участников сети их воспроизводства в социокультурной практике. Такой термин особенно остро необходим при описании воспроизводства в цепи предшественников — последователей идентичного культурного феномена «игровой имитации», а так же любых прототипов «опосредованных социальных эстафет» в их MAP — модели (о чем ниже в п. 2.3.). В этом случае связь пары записей социальных программ есть связь двух социокультурных матриц идентичного устройства социальной памяти, на базе идентичной индивидуальной памяти каждого из участников цепи воспроизведения данной игровой имитации.

Это «социальные куматоиды», ибо конкретные игроки — имитаторы, актеры прыгающие, с палочкой, изображающей коня, и всадники, скачущие на коне, - могут меняться на существенно им аналогичных данной культуры представителей социума, как и экземпляры ими воспроизводимых и используемых в практиках «социальных вещей (кони и палочки, изображающие коня, площади)», а данное иерархическое устройство социальной памяти игровых имитации, как иерархия пары социокультурных матриц, хранящаяся и функционирующая в индивидуальной памяти каждого из них (т.е. две взаимосвязанных записи социальных, генетически ненаследуемых, программы синхронно функционирующих), и реализующаяся, как социокультурные игровые практики, остается существенно идентичным.

Иногда многие поколения детей того или иного устойчиво самовоспроизводящегося вида социума и его культуры из поколения в поколение играют в те же самые игры, в т.ч. имитационные, а несколько поколений актеров его театров и театральных зрителей соучаствуют

в воспроизводстве в том же или ином театре одного и того же театрального спектакля — представления, по одному и тому же сценарию.

Напомним, о явно аналогичном открытии проф. М.А. Розова применительно к рефлексивной альтернативной реструктуризации и реорганизации текстов с описаниями социальной практики одного и того же эксперимента в одной из естественных наук (химических наук), в т.ч. по последнему посмертному изданию его работ и дневников в кн. «Философия науки в новом видении» (цитата, сноска). Он именно вынужден констатировать, что инвариантное содержание данных альтернативных текстов со сменой референции и репрезентации знания об одном и том же эксперименте уже нельзя именовать «знанием», это пишет он «...информация (просто, другого слова у нас нет)».

Констатируем нашу основную позицию в социокультурной когнитологии— за любыми субъективными «образами и значениями — смыслами описаний — предписаний в текстах запомненных наизусть» участников конкретной социальной практики в конкретной социальной ситуации скрыты минимум две тем или иным образом связанные объективные «социальные программы»:

А. объективной реализации объективной записи социальной программы данным социальным живым индивидом в соответствующей идентифицируемой конкретной объективной социальной ситуации;

В. реализация записи социальной программы воспроизведения «рефлексивной субъективной семантической картины, образных содержаний экстраспекции и интроспекции» данного практически действующего социального живого индивида, относительно того, что вышеуказанно в п.А. (особо очевидно если имеется феномен «объективации содержания субъективной реальности, как бы его наложения на объективную реальность») .

Напомним, что и проф. М.А. Розов в последних работах, несколько неожиданно для знатоков его «теорий эмпирической эпистемологии», приходит к важному новому выводу «рефлексия — это тоже программа (видимо, прежде всего или только вербализированная ? Или любая?- авт.)». Ибо именно смена и реализация разных «рефлексивных целевых установок» приводит к трансформациям структуры и организации функционирования текста об той же самом практике эксперимента, из одних видов текста в другие, из знания об одном в знание о другом, трансформациям реализующимся по определенным социальным, генетически ненаследуемым, программам, выбираемым и используемым в соответствии с целевыми установками

вербализированной рефлексии представителей данного культурного, в т.ч. языкового, сообщества.

Мы здесь и теперь, относительно иерархических устройств социальной памяти игровых имитаций, социокультурных матриц их социальных куматоидов пока что, не обсуждаем сколь ни будь подробно очень важный для экспериментальной когнитологии «аксиологический, а не только эпистемологический» вопрос о том, почему и как эти смены альтернатив могут иметь место, важно только наличие данных двух альтернативных рефлексией «осознаваемых картин — концептов» параллельных одной и той же «паре взаимосвязанных записей социальных программ», используемых двумя разными способами (игроком — имитатором, актером или всадником) объективно существующих в соответствующей социокультурной матрице их индивидуальной памяти, при практической реализации только одной из них в социальной практике идентифицируемой ими актуальной ситуации.

Наличие во всех кратко изложенных показательных примерах использования нами «призм» информационно — кибернетического подхода представляется очевидным. Менее очевидным, но, тем не менее присутствующим является и использование нами «призм» генетики и геной инженерии, молекулярной биологии клетки. Если, конечно, мы не отождествляем «участника социальной эстафеты» со сложным, неизвестным пока что нам, конечным автоматом (как когда-то, в период формирования «теории нормативных систем» для его «эмпирической эпистемологии», именовал «участников нормативных структур» в устных выступлениях на НМС и сам проф. М.А. Розов), в т.ч. и как «имитатора в игровых имитациях», приписывая ему некоторые «обусловленные его конструкцией — способности», включая «способность воспроизведения наблюдаемых демонстраций реализации социальных программ и использование рефлексивных картин».

Обратим внимание на то, что этот 2-й класс программ - «социальные, генетически ненаследуемые, программы» в устройствах социальной памяти, на базе индивидуальной памяти, нам подобных, не только противопоставляются М.А. Розовым любым «не социальным программам, т.е. биологическим программам», но, и еще конкретнее противопоставляются именно 1-му классу - «генетически наследуемым, врожденным по онтогенезу, программам» нам подобных. Из последних известно современной биологии несколько подклассов:

1.1. генетически наследуемая информация, программы, например, клеточной памяти зародышевой оплодотворенной клетки нам подобных;

1.2. врожденная информация, программы формирующиеся и актуально использующиеся на различных фазах онтогенеза организма нам подобных, которые можно подразделить на:

А. не нейронные по хранению (типа «программ иммунной памяти — идентификатора - регулятора»?);

В. хранящиеся, как некие врожденные нейрозаписи в форме живых нейросетей мозга ЦНС организма нам подобных.

Полной расшифровки большинство этих нейрозаписей до сих пор не имеют, это не значит что их у нас не существует, ведь и большинство генетически наследуемых программ синтеза множества сложных белков, пептидов на рибосомах, под управлением множества считываемых генетически наследуемых программ в форме матричных или информационных РНК внутри клетки, пока что не соотнесены в более или менее взаимно однозначном соответствии этих двух множеств, но, это не значит что такой перекодировки не существует, тем более, что отдельные примеры такой расшифровки сложных комбинации аминокислот в пептидах, как кодируемых соответствующей сложной комбинацией нуклетидов уже точно установлены в экспериментах и генной инженерии.

К принципиально иному - 2-му классу биологических, но, видимо, не социальных программ по М.А. Розову, можно отнести и все «генетически ненаследуемые программы, хранящиеся в виде генетически ненаследуемых нейрозаписей в иерархической нейропамяти» организма нам подобных (в НС, с ЦНС и головным мозгом: палеокортекс и неокортекс), которые приобретаются каждым организмом прижизненно и строго в индивидуальном самообучении, с его индивидуальной памятью, естественным интеллектом и предсознанием, предрефлексией нам подобных.

Хотя МАР и давно уже многократно высказывал, в разных формах, одну и ту же странную мысль о том, что воспроизводство одним и тем же живым человеком многократное своего собственного акта социального поведения в идентичных ситуациях идентично воспроизводу им социального акта другого живого человека. Это- очевидно истинно, только если и то, и другое воспроизводятся по генетически ненаследуемой нейрозаписи программы, но, не верно, если первая программа приобретена в чисто индивидуальном самообучении, а вторая, например, в простейшем виде имитационного самообучения. Существенное различие процесса формирования и записи таких двух видов генетически ненаследуемых записей программ, видимо, связано и с более или менее существенным различием их хранения, считывания, перекодировки при их

использовании для реализации идентификаций и регулирующих воздействий в поведенческих актах ситуаций в среде.

Некоторые известные российские биологи, разрабатывающие и использующие информационно — кибернетический подход в биологии, называют все это множество, с выделенными нами выше двумя подмножествами, «генетически ненаследуемых программ» - «поведенческой информацией», наличие ее у антропоидов и у нам подобных отрицать нелепо, ибо контрфактуально разнообразным воспроизводимым экспериментам. Термин «индивидуальная память», как база устройств социальной памяти, один из видов хранилища ее «социальных программ» используемый иногда и проф. М.А. Розовым, и нами, в сущности обозначает именно такую нейропамять, в которой могут записываться, в которой хранятся и из которой могут считываться для практической, поведенческой реализации любые генетически ненаследуемые, не врожденные отогенетически нейрозаписи программ:

2.1. программ биологических, индивидуально приобретаемых, прижизненно, в самообучении, в т.ч. с естественным прединтеллектном и предрефлексией;

2.2.. программ социально прижизненно приобретаемых (уже в простейших видах «функциональных систем имитационного самообучения») и социально распределенных на множестве, например, нам подобных, с индивидуальной более или менее идентичной нейропамятью каждый.

Например, в простейшем случае указанное в п.2.2.. имеет место благодаря функционированию существенных аналогов врожденной «функциональной системы имитационного самообучения (ФСИС)» у всех нам подобных, в норме вариаций организмов популяций, с половой дивергенцией, нашего вида. См. подробнее на сайте о проблеме информационно — кибернетического моделирования «ФСИС» в биологии феноменов «подражания, имитации одними организмами наблюдаемого нового, не врожденного поведения в новых ситуациях среды других организмов популяции».

В других существенно более сложных случаях социальные программы социально приобретаются в специфическом разнообразии форм социокультурных ритуалов коммуникации по их специфическим распределенным на множестве соучастников социальным программам:

типа А. - форм «ритуала Урока учащихся, воспитывающих и обучающихся, воспитываемых, консультирующихся и консультируемых»;

типа В. - форм «ритуала публикации Новшества новаторами - последователям».

В том числе, простейшего их вида «ритуалы Урока, с молчаливой коммуникацией», как бы по образцам и правилам типа «делай, как я! — делаю, как он!». «Мы живем так, как жили наши предки» - отвечали старейшины эскимосов Амундсену, это рефлексия такой социокультурной суперматрицы множества матриц, где сколько ни будь заметные, радикальные новшества — социально наказуемы в порядке социального контроля соблюдения традиций. Это альтернатива современной гонке за социальными новшествами, ставшей уже традиционным ритуалом современных типов социумов — культур Западно — Европейской Цивилизации и т. н. «золотого миллиарда человечества», где даже радикальные новшества, особо организационно — технологические, социально поощряются в порядке социального контроля за соблюдением традиции соревновательных, иногда, и конкурентных, конфликтов (и ритуализированных конфликтов на уничтожение противника) в современных «ритуалах публикации Новшества новаторами для последователей».

Простейшего вида социальные, генетически не наследуемые, программы, прижизненно социально приобретаемые и социально распределенные вполне объективны, ибо «биологичны», как по биомеханизмам лежащим в основе их социального приобретения (ФСИС) и нейрозаписи, так и по механизмам их хранения в нейропамяти и их считывания из нее, перекодировки, а, возможно, и по биобазе их передачи сигналами на носителях — демонстративным поведением для наблюдающих подражателей, имитаторов, последователей предшественников. Если верна гипотеза автора о существовании у всех, как минимум, антропоидов еще и «врожденного ритуала коммуникации внутри популяции» для передачи — приема демонстрируемых потоков сигналов от источника типа поведенческий акт в типовой ситуации реализуемый одним из представителей популяции для наблюдения его другими. Предполагается нами, и не только, существование еще одного вида врожденного ритуала - ритуала «демонстративно — подражательных коммуникативных интеракций» внутрипопуляций, как минимум, антропоидов, и нам подобных, с объективной направленностью на активацию врожденных программ поведения наблюдающих подражателей, имитаторов демонстраторами — активаторами. Феномен этот «ритуала врожденного подражания врожденному поведению, ритуалам врожденным» внешне кажется по функциям аналогичным - существенно отличному от него феномену генетически ненаследуемого социокультурного «ритуала молчаливого Урока (у нас «урок ручного труда», «физкультуры, спорта», «танца», «транспортировок -перемещений», «конструирования конструкции» и т. п. аналоги)», с его «социальной, генетически ненаследуемой, программой социальной

коммуникации учителя - демонстратора и ученика - имитатора », хотя так же и при использовании на микроуровне его иерархического устройства еще и врожденной биобазы ФСИС, как минимум, в устройстве «учащихся, воспитывающихся».

В связи с такой явной «биологичностью», существованием вне и независимо от любых видов «социумов — культур» нам подобных, и можно отнести эти простейшие виды социальных программ так же ко 2-му классу биопрограмм, с двумя его подклассами:

2.1. генетически ненаследуемые, индивидуально прижизненно приобретаемые программы;

2.2. генетически ненаследуемые, социально прижизненно приобретаемые и социально распределенные программы простейшего вида. Это и две важнейшие, базовые формы существования феномена «когниции», наряду с феноменом поведенческой реализации данных двух видов генетически ненаследуемых программ.

То и другое есть объективные феномены, вполне изучаемые экспериментально предметы биологии биологическими методами, как разные виды «поведенческой информации, программ поведения в ситуациях», например, исследуемые в этологической когнитологии и нейрофизиологии поведения животных, использующих и информационно — кибернетический поход, и гипотезы о «внутренних субъективных мирах» у некоторых видов животных («зоопсихология»).

2.3. Социокультурные матрицы коммуникации, на языке и текстах «игровых имитаций».

В этой части статьи мы предполагаем существование трехуровневой иерархии в любой форме «зрелой» социокультурной коммуникации, с преднамеренным соучастием сторон, которая и филогенезе, с антропосоциокультурогенезом, и онтогенезе, с социализацией — ааккультурацией новорожденных биоидов нашего вида, формируется в идентичной последовательности:

1. от низшего базового уровня «молчаливой социальной коммуникации, с реализацией ее конкретной социальной программы только в контексте реализации конкретной социальной программы социальных интеракций, с преднамеренным соучастием сторон», например, простейшего вида культурных форм коопераций и-или ритуализированных конфликтов (пример опыта ее анализа в простейших случаях и наличия в более сложных иерархиях см. в моделях М.А. Розова, статьи автора опубл. и на сайте);

2. к среднему уровню на нем основывающемся, с использованием «языка и текстов игровых имитаций» (оба уровня объект исследований семиотики социокультурной реальности и паралингвистики, теории игровых имитаций и изображений изображаемого, пример предшествующего нашему опыту его анализа есть в моделях «социальной коммуникации, с использованием иконических знаков» и «аналоговых нормативных систем, как устройств социальной памяти» М.А. Розова);

3. до высшего уровня на них основывающемся, с использованием «естественного языка и текстов речеслуховой и -или письменно — зрительной коммуникации» (объект исследования семиотики, классической лингвистики, матлингвистики, теории социальной коммуникаций, с устройствами социальной памяти соучастников, в т.ч. и «теории опосредованных, лингвистических социальных эстафет» М.А. Розова).

Стало уже почти традицией связывать специфику социальной информации, социальных программ, социальной коммуникации и социальной памяти не только с их генетической не наследуемостью и специфическим механизмом их приобретения и распределения в популяциях нам подобных (социальной наследуемостью, культурной преемственностью), типа разнообразных простых и сложных видов «имитационного самообучения», но, еще и с тем, что в любом виде социумов — культур нашего вида популяций социокультурных индивидов есть «тексты на языке». А. Устные, а часто и В. письменные, печатные тексты, соответственно связанные или с А. рече - слуховой социальной коммуникацией между нам подобными, с использованием естественного, как минимум, языка и устной речи (модуляции несущих ударных звуковых волн, кратковременного сохранения в линии связи канала, с задержкой сигналов на носителях из их «алфавита») данной языковой культурной общности, или с В. письменно (печатно) — зрительной социальной коммуникацией, с использованием естественного, как минимум, языка и еще и письменной речи (волновые фронты отраженной освещенности, так же предельно кратковременного хранения, от носителей для записи, печати букв алфавита длительного хранения в линии связи, с задержкой сигнала, как источников в норме зрительно нам доступных сигналов) данной языковой культурной общности.

Известно, что А. перекодируется нам подобными в В., и, наоборот, тоже верно, в определенных пределах, без существенной потери передаваемой и хранимой с их помощью социальной информации в виде записей, в алфавите сигналов языка на внешних носителях записей, закодированной и потом декодируемой после их считывания, - социальной информации,

социальных программ, с точки зрения решения определенного конечного множества задач соучастниками социальной коммуникации, с такими перекодировками.

Это и биологи, а не только социологи и культурологи, и филологи, с лингвистами, и психологи, с нейрофизиологами (психонейролингвисты), называют специфическим для нас подобных — множеством «вербальных информаций, вербализированных программ (сравните у М.А. Розова высказывания о «вербализированных социальных образцах = социальных программах»)), проявляющихся, как обычно принято говорить, в форме «знаний, как понимания семантики текстов, например, со списком вопросов и списком ответов на вопросы», существенно отличной от любых иных видов «поведенческой, генетически ненаследуемой, информации». Хотя в некоторых случаях, эти внешние тесты кажутся нам практически прямо и непосредственно реализуемыми, поступками в ситуациях, «записями инструкций в алфавите на внешних носителях», например, с таким типом содержания рефлексии «исполнителя инструкции»: «читаю текст X и выполняю записанные операции Y с записанными предметами A для получения записанных результатов B», и при полном игнорировании им «осознания» этапа «перекодировки записи на внешних носителях в запись генетически ненаследуемой программы на внутренних носителях» индивидуальной памяти «чтеца инструкции — оператора, реализатора практического действия, ей соответствующего».

Хотя есть более или менее воспроизводимые экспериментальные данные об успешном обучении нам подобными имитационно самообучающихся антропоидов «эрзац — языку» с порождаемыми и используемыми ими «эрзац -текстами» в их сообществах и с нам подобными обучающими. Надежное подтверждение экспериментальной воспроизводимости этих данных еще более сократит исследуемую нами пропасть между биопрограммами, в т.ч. генетически ненаследуемыми и социально приобретенными, и феноменом «вербализированной социальной информации, вербализированных социальных программ».

Итак, есть 3-й класс программ поведения в ситуациях - «вербализированная социальная информации, вербализированные социальные программы», внешне иногда кажущимися существующими вполне объективно (феномен «знакового фетишизма») в текстах линий связи, с задержкой сигналов, систем социальной коммуникации, где они «записаны» в том или ином алфавите на тех или иных внешних носителях.

В эмпирической эпистемологии проф. М.А. Розова говорится о существенно аналогичном феномене, как о «вербализованных социальных образцах (синоним «социальные программы»))»

воспроизводящихся нам подобными участниками «опосредованной, лингвистической социальной эстафеты» воспроизводства, хранения — накопления, копирования текстов и их использования в той или иной языковой культурной общности, научное конкретное исследование которых им, в более поздний период творчества, «отдается на откуп» лингвистам и лингвистике.

Но, не существует ли и иных более или менее плавных, постепенных переходов от 1 и 2 классов «биоинформации, биопрограмм» к 3 классу «социальной вербализированной информации, вербализированным социальным программам», чем вышеупомянутые эрзац — языки, с эрзац — текстами в сообществах антропоидов, и последовательно усложняющиеся модели генезиса элементарных интеракций «социальной коммуникации» в элементарных «кооперациях» М.А. Розова, с воспроизводством и использованием с начала «иконических знаков», а затем и «условных знаков» (см. его книгу 1997 г.)?

Или здесь бездонная, непроходимая для наших современных научных исследований и знаний пропасть между устройствами социальной памяти популяций антропоидов (и нам подобных в младенческом возрасте), с хранением множества социально приобретаемых и социально распределенных, генетически не наследуемых программ и такими устройствами социальной памяти, где хранятся социальные программы воспроизведения текстов на языке и их использования?

Семиотика и семиология, теория сигналов в информационно — кибернетическом подходе, давно выделили два класса знаков, сигналов используемых нам подобными в социальных коммуникациях :

1. иконические знаки, как изображения изображаемого, используемые для обозначения, сигнализации обозначаемого, сигнализируемого (= изображаемого);
2. условные знаки, которые не функционируют подобно изображениям, не изображают, но кодируют, с помощью обозначающего, сигналов, - обозначаемое, сигнализируемое, в памяти отправителя, передающего сигналы на носителях из их алфавита в линию связи (в практически реализуемой норме, с задержкой сигналов кратковременной или даже с длительным хранением, как и при передаче иконических знаков, изображающих сигналов), что требует обратного процесса декодирования для принимающего сигналы из алфавита получателя (см. аналогичную точку зрения, например, еще в книге конца 70-х — начала 80-х гг. прошлого века: «Семиология и кибернетика»). Причем, аналогичные перекодировки в сложных роботокомпьютерных

информационно - кибернетических системах («информационно — управляемые системы» их «информационно — управляющих систем») и в живых организмах, с НС, ЦНС с головным мозгом, это чисто объективные процессы (не нуждающиеся ни в каких гипотезах о «субъективных процессах понимания значения и смысла записей текста в алфавите сигналов» у отправителя при кодировании и у получателя при декодировании). Например, принимающего получателя — декодирующего в итоге поведенчески реализующего именно ту программу, текстовое сообщение о которой закодировал в данный текст, им переданный принимающему, отправитель. Это доказывается объективными данными воспроизводимых экспериментов, когда по запомненному наизусть тексту нам подобными или считанной записи программы роботом поведенчески реализуется именно то адекватное и результативное преобразование, которое в тексты на носителях ранее было перекодировано. Если в цепи совокупности или множества пар соучастников воспроизводится их связь, социокультурная интеракция, с преднамеренным соучастием сторон, типа - «1-й участник - акт преобразования А, затем - 1-й участника кодирование акта А в текст В. — 2-й участник - декодирование текста В в текст записи программы акта А, затем 2-й участник воспроизводит акт преобразования идентичный А», то это доказывает наличие объективной, закономерной и необходимой связи (в смысле статистической закономерности) между:

1. объективным актом А 1-го соучастника и его последователей;
2. объективной программой перекодировки акта А в объективный текст В у 1-го соучастника и его последователей, и, обратной перекодировки, у 2-го соучастника и его последователей ;
3. объективным актом воспроизводства 2-м соучастником и его последователями акта А 1-го соучастника. Этого пример и есть простейший показательный пример «опосредованной социальной эстафеты» по М.А. Розову.

Часто, если не всегда, в предельном, идеальном случае, 1-е - иконические знаки передаются синхронно, как бы одновременными срезами объёмного потока сигналов в линии связи (например, потока световых волн видимого диапазона от источника или волновых фронтов отраженной освещенности от разных форм предметов разного качества, например, зрительное восприятие, осознаваемое и неосознаваемое, демонстрируемых образцов поведения в ситуации), а 2-е - условные знаки — только последовательно, дискретной цепочкой или аналогом дискретно- непрерывной линии графика модулирующийся модулятором, например, синусоиды

или косинусоиды, импульсоиды (например, слуховое восприятие, осознаваемое и неосознаваемое, проговариваемого образца устного текста в ситуации).

Например, нами часто используются воспроизводимые нами объективные статичные изображения изображаемого, допустим только документальной направленности, в системах социальной коммуникации, с теми или иными технологиями передачи сигнальных сообщений (от технологий человеческого тела до безлюдных технологий):

а. части прототипа вместо его целого, как «предтечи вербального художественного тропа — синекдохи»;

в. уменьшенные «игрушечные» копии, модели крупномасштабных оригиналов, прототипных сооружений, устройств;

с. скульптуры скульпторов или автоматов 3D имитации геометрических форм и цвета прототипов;

д. картины живописи живописцев или моментальные фотографии автомата.

Указанные в п. (в, с и д) - «предтечи вербальных метафор, как художественного тропа, и аналогий». Это создает у нас закономерную иллюзию «субъективного непосредственного, прямого восприятия — семантического понимания» того, что изображается изображением, и порождает ей соответствующее знание — заблуждение о том, что идентификация с выбором из альтернативных изображаемых после адекватной и результативной идентификации самого данного изображения у нам подобных получателей, не опосредуется никаким процессом декодирования, не является косвенной, ибо кажется подобна, например, «действию идентификации путем наложения (совмещения) детали изображающей часть паззла на соответствующую ему деталь, часть целого изображаемого данной деталью паззла» (см. в тексте о ФСИС о врожденных конструкторах новых изображений при и для идентификации, диагностике нашего и антропоидов естественного интеллекта).

На деле, множество изображаемых известных получателю, им уже ранее идентифицированных изображений из их множества, могут претендовать на роль того, который именно данным изображением изображается, ибо, вообще говоря, «все со всем сходно», по тем или иным из множества признаков могущих использоваться, как критерии сходства, подобия элементов этих двух множеств (если нет заданного природой, врожденного взаимно однозначного соответствия элементов этих двух множеств: изображаемых элементов и изображающих элементов). Это известная представителям НМС фраза М.А. Розова, чрезвычайно важная для понимания

эволюции «эмпирической эпистемологии» и исследований представителей НМС, в Академгородке, ибо «участники — последователи» в эстафетных структурах их социальных эстафет (= социальных куматоидов) решают две разные задачи в процессе принятия и реализации решений, выборов из альтернатив типа «реализовать какое то из множества практических действий в данной ситуации внешней или отказаться, сохранить бездействие, какое именно из практических действий реализовать в данной внешней ситуации»:

А. аналог задачи выбора из множества разных отдельных частей целого, т.е. выбора идентифицированной части целого, с использованием ранее выбранного идентифицированного изображаемого в целом (задача кодирования изображения в целом для передачи информации о нем с помощью выбранной части изображения);

В. аналог задачи выбора целого изображаемого из их множества, по ранее выбранному и идентифицированному изображению его части (задача декодирования изображения в целом с помощью приема — идентификации его части). В любом случае решающему данные проблемы выбора из альтернатив, путем сравнения, с идентификацией, отождествлением и различением сравниваемых, известно два множества и 1. множество изображаемых целых, и 2. множества частей — изображений всех изображаемых целых. Адекватность и результативность выбора — сравнения наиболее вероятна, если в любой паре изображаемых целых нет ни одной их отделенной части идентичной, тождественной (или неразличимой для данного «сравнительного устройства» - чувствительности, разрешающей способности).

Уже наличие хотя бы у одной пары сравниваемых изображаемых целых двух идентичных отдельных частей на определенном шаге процесса сравнения может породить неразрешимую проблему выбора. Достаточно указать на то, что в одной и той же внешней объективной ситуации мы часто, если не всегда можем реализовать существенно различные практические действия, из одного и того же материала получить множество разных продуктов. Проблема выбора тем более не разрешима указанной процедурой сравнения сравниваемого, если у сравниваемой пары изображаемых целых все отдельные части идентичны, и различие их состоит лишь в их взаимном расположении, композиции, тогда различение их не реализуемо с использованием множества частей — изображений по отдельности, оно возможно только при сравнении одного целого с другим целым (гештальт — сравнение). Здесь правда так же есть специфическая проблема идентификации т.н. «двойственных изображений», при одном

«гештальте (перцептивной когнитивной установке)» - идентификация одного изображаемого в целом, при другом — другого изображаемого в целом.

Действительно, участники «социальных эстафет»:

А. либо выбирают один из альтернативных стандартов проблемной ситуации, в выбранном уже ранее множестве социальных образцов акций и интеракций предшественников, сравнивая и устанавливая ее соответствие, с их, как последователей, собственной стартовой проблемной ситуацией, т.е. используют последнюю, как аналог части целого используется для идентификации целого (как «часть пазла используется для выбора одной из альтернативных целостных картинок»), для последующего актуального воспроизведения выбранного социального образца предшественника в идентичной его части - собственной ситуации последователя;

В. либо, наоборот, наблюдая и идентифицируя целое, т.е. выбранный один из множества альтернативных социальных образцов предшественника, выбирают из множества альтернативных возможных собственных ситуации ту, которая ему соответствует, как часть целому, т.е. используют его так, как используют «целое изображение на картине для выбора подходящих деталей пазла из их множества, относящегося не только к данной картине, а ко всему множеству картин».

Очевидно, что есть инвариант — 1. множество картинок целостных и множество деталей пазлов необходимых и достаточных для сборки всего множества данных картинок, 2. те и другие предполагаются уже адекватно и результативно идентифицированными участниками, которые 3. могут ставить и решать две альтернативных задачи идентификации, диагностики: 3.1. либо идентифицировать часть используя выбор целого из множества его альтернатив, 3.2. либо идентифицировать целое используя выбор части из множества альтернативных частей. Причем, эти процессы решения двух данных задач в принципе могут иметь или не иметь экстерниоризированные практические реализации в «ручных манипуляциях», с реальными отборами и совмещениями — наложениями, в т.ч. иногда и явно пробно — ошибочными, ибо и если после контроля итога установлена ошибочная предварительная идентификация.

Эти аналоги устройства социальной памяти и интеллекта для конструктивной идентификации — диагностики, с его комплексом социальных программ, вполне воспроизводимы и в формирующих экспериментах по созданию новых поколений групп участников его использующих, в аналогах «ритуала Урока» (например, мы учим наших детей «конструктивно —

изобразительной игре, в кубики, с деталями изображений на каждой из 6-ти плоскостей кубика и прилагаемыми картинками о целостных изображениях», чему когда то наши родители учили нас). При этом, действительно, остается непонятным почему же идентификаторы - диагносты используют именно данные критерии сходства, подобия эталонов для сравнения тому, что с ними сравнивается, а не какие либо иные (имеет место произвольность выбора из множества известных альтернативных критериев для сравнения), ибо их «ценностные ориентации, управляющие направлением и концентрацией внимания, избирательностью идентификации» в таких моделях не учитываются, хотя могут подразумеваться в виде ссылок на «рефлексивные целевые установки, задачи» участников, которые в свою очередь требуют объяснения их данной конкретной направленности.

Вполне возможно, что абсолютно различных сравниваемых не существует («все с чем ни будь, кем ни будь сходно»), как и абсолютно тождественных («все сравниваемые чем ни будь отличаются друг от друга»), реально, за исключением математических и философских определений чего либо, кого либо X №0, как 1. абсолютно различного, уникального, не имеющего ни одного признака сходного с чем либо, кем либо, 2. либо X №1 и X №2, как двух абсолютно тождественных экземпляров. Например, двух идеальных экземпляров целого положительного числа равного идеальной 1, это результат использования приема матмышления - типа «экземплификации» - приписывания существования совокупности абсолютно тождественных экземпляров, прием используется и в теоретической физике, иногда с онтологическим верованием теоретиков в реальное существование абсолютно идентичных экземпляров прямо и непосредственно не наблюдаемых и не измеримых (абсолютно качественно идентичные экземпляры вида атомов в одноатомном газе, электроны, фотоны, лишь с количественными модификациями варьирующихся параметров и т.д.). Так ли это в реальности вне и независимо от нас нам неизвестно и прямо — непосредственно в эксперименте ненаблюдаемо, но, в теормоделях теорфизики — абсолютно качественно идентичные экземпляры допускаются реально существующими, иногда, с только лишь количественными вариациями их параметров состояния в пределах границ их существования.

В биологии и науках о социокультурной реальности доминирует постулат наличия качественной специфики любых видов рода, разновидностей вида, экземпляров отдельных единичных особей, индивидов — личностей, кругов межиндивидного, межличностного общения, этносов, с этнокультурами, Цивилизаций. Хотя исследование того же самого, как совокупности

экземпляров имеет место, при указании того, от учёта чего «абстрагируются» или оговорке специальной о необходимости «дополнительного исследования специфики». Такова одна из известных проблем «типологизации в науках об обществе, культуре и человеке при уникальности исследуемого множества элементов».

Вывод. В квазистационарной системе многократно воспроизводимой адекватной и результативной (и по ритуалу, и по передаваемому содержанию) социальной коммуникации на языке множества иконических знаков, знаков - изображений необходимо и обязательно, как наличие прямого кодирования изображаемого в изображение, так и наличие обратного декодирования изображения в им изображаемое. Это предполагает, как минимум:

1. наличие, известность и изображения, и изображаемого (точнее двух их множеств) и отправителю, и получателю;
2. наличие, известность квазистационарного кода и декода (оба у обоих или код у отправителя, а декод у получателя), как детерминированной или статистически закономерной связи между локусами социокультурной матрицы их индивидуальной памяти с записями А. об изображаемом, например, как части записи социальной программы его практического производства и использования, и записями В. об изображении, например, так же как части записи социальной программы его практического производства и использования.

Именно с таким иерархическим устройством социальной памяти сложных игровых имитаций, без и вне учета которого нам научным методом не получить объяснение связи «имитирующего и имитируемого, изображения и изображаемого, моделирующего и моделируемого», как социокультурного (а не чисто природного) феномена, мы встречаемся и в простейшем экспериментальном инженерном моделировании производства и использования прототипа, как бы «методом игровой имитации (имитационного практического моделирования, с т. н. натурными моделями)».

Например, с производством и использованием игрушки, когда строим уменьшенную копию корпуса парусного судна и пускаем его в плавание под парусом в ванне, луже и т. п. создавая аналог ветра и волн в море, решая задачи те или иные. Предполагаем, что в культурах где нет практик прототипных «кораблестроительства и эксплуатации парусных судов» игровая практика производства и использования игрушечного парусного корабля не будет адекватно и результативно декодирована, ибо и если их представителям неизвестны еще и подобные изображаемые прототипы кораблестроительства и эксплуатации судов. Культовый пример

этнографии, с генезисом и воспроизводством «культы Карго (каргокульт)» у аборигенов островов Тихого океана, наблюдавших прилеты и отлеты самолетов ВВС США в период 2-й Мировой войны, наглядно демонстрирует то «ошибочное декодирование», которое может иметь место в подобных случаях, ибо срабатывает общий закон «межкультурных и межсубкультурных взаимодействий», сформулированный когда то автором, совместно с лингвистом Л. Ильиной (исследовавшей «языковые заимствования» и их историю в текстах языках народов Севера Сибири относительно текстов русского языка), как: «закон имитации собственными средствами», например, одной культуры № 2 имитирующей другую культуру № 1 — «собственными средствами» (см. краткая реплика в опуб.ст. Автора «К сравнительному анализу мифологического и научного объяснения», 197...г., в т.ч. копия на сайте).

Экспериментальные психофизические данные и данные о моделирующих процессы «распознавания образов» аналогах перцептронов, искусственных нейросетей позволяют предполагать, что только наличие определенной «информационной меры тождества — различия (в интервале между 0 различия - -тождественные экземпляры и 1- абсолютно различные, уникальные)» узнаваемого (опознаваемого, распознаваемого) изображаемого и уже идентифицированного его изображения, позволяет адекватно и результативно декодировать получателю то, что было закодировано отправителем.

В разных случаях это разная мера, границы ее вариаций в общем случае у нас подобных — вопрос требующий специальных исследований, есть данные о наших способностях «подпороговых» различить две объективно идентифицируемые «сигнальные картины» даже при минимальной разности их потока сигналов в один фотон, при абсолютной затемнённости помещения.

Данная модель социальной коммуникации, с использованием множества изображений, игровых имитаций множества изображаемых, имитируемых прототипов естественно создает проблему принципиальной возможности передачи и приема адекватного и результативного в системах социальной коммуникации, с языком иконических знаков, например, принципиально новых изображений о принципиально новом изображаемом. Но, это другая существенно более сложная проблема, о которой позже подробнее, а именно, «проблема творческой изобразительной коммуникации, с работой изобразительного интеллекта», где творцы, новаторы — и А. учитель, отправитель изображения, и его В. получатель, последователь новатора, ученик учителя. Ибо в ином случае это будет неадекватная и безрезультатная коммуникативная их интеракция,

относительно ритуала надежной иконической передачи, с помощью данного социокультурного новшества — изображения — информации о новом изображаемом.

В чем то это аналогично проблеме достоверности исторической реконструкции по части — прошлого его целого, сведений о котором иных у нас современников уже нет, как и иных его целого частей, как и универсума контекстов его бытования в далеком неизвестном нам прошлом. Аналогична и проблема создания нового устного, печатного текста о новой социокультурной практике, опыте - его творцом — отправителем и его творцом — получателем, создания - «понимания нового текста, для формирования по новому тексту нового опыта новой социокультурной практики», более или менее идентичного имевшемуся у отправителя — творца нового текста.

Такое устройство моделирующей (воспроизводящей и использующей и изображаемое, имитируемое и его изображение, имитирующее) социальной памяти в индивидуальной памяти соучастников данного вида социальной изобразительной коммуникации по своей иерархической структуре явно существенно подобно выше вкратце изложенному автором простейшему «иерархическому устройству социальной памяти игровых имитаций», где есть связь минимум двух записей социальных программ «имитирующей социальной практики и имитируемой социальной практики», лежащему как в основе современных детских имитационных игр, так и в основе современного театрального искусства, метода социальной психотерапии типа «психодрама» и реконструкции «родительского программирования жизненного сценария» для его коррекции, простейших типов и примеров метода имитационного моделирования с использованием модели У прототипной практики производства и использования ее прототипа Х. См. первый опыт конструктивного моделирования такого вида «знаниевых устройств социальной памяти» в первой монографии М.А. Розова (1997 г.) в разделе об «аналоговых нормативных системах и морфологической репрезентации», в т.ч. на примере «социальных образцов воспроизводства и использования плана — проекта дома, географических карт (тема дисс. Колеватова в НМС)» и «социальных образцов использования метода моделирования прототипов («отношение замещения» между моделируемым и моделирующим - тема статей А. Акципетрова в НМС)».

Достаточно предположить, что в некотором сообществе имеется множество простейших игровых имитации известных всем его представителям, как мы имеем все необходимое для реализации в нем «социальной коммуникации, с использованием общего языка множества передаваемых

текстов», как данной демонстрации - реализаций практической данной записи программы игровых имитаций отправителями для принимающих их получателей, ими кодируемых и декодируемых, с использованием множества связанных записей пар социальных программ. Объективный аналог «субъективной семантики» таких имитирующих текстов : А. запись программы реализации имитирующей, игровой социальной практики: В. обозначаемые прототипы — практические, не игровые реализации записи социальных программ имитируемых социальных практик.

Такой «язык» таких «текстов», например, аналогичен «языку театра пантомимы в театральном ритуале коммуникации актеров труппы и зрителей театрального зала», где бутафорные игрушки, театральный реквизит имитируют реальные социальные прототипы вещей, а игроки — актеры, почти без слов, имитируют реальные социальные прототипы поведения и интеракций нам подобных.

Например, множество «молчаливых групповых игровых имитаций» изоморфное множеству «молчаливых коопераций, как содействий, с сотрудничеством» и - или множеству «молчаливых конфликтов, как противодействий, с противоборством», с их пересечениями и дополнениями к пересечениям, так же может быть частью «имитационного языка социальной коммуникации», с множеством «молчаливых текстов динамических изображений» изображающих множество изображаемых «молчаливых коопераций и конфликтов». Это просто еще более сложное иерархическое устройство социальной памяти «групповых игровых имитации», хранящееся и функционирующее в социальной коммуникации соучастников практических прототипных, имитируемых интеракций и игровых, имитирующих интеракций, например, как целое, в индивидуальной памяти каждого из соучастников воспроизведения — реализации данной социальной программы данного ритуала социальной коммуникации. Впрочем, хорошо нам всем известно так же и по его аналогу «ролевым групповым играм детским, по правилам (и образцам)» в прототипы практических интеракций взрослых, с их прототипными «системами социальных позиций и ролей (занимаемые и исполняемые ими по социальным нормам, образцам и правилам)». А так же в субкультуре театрального жанра «документального театра». Обратим внимание, на то, что всем соучастникам воспроизводства и идентификации такой социальной коммуникации с таким устройством социальной памяти известны две взаимосвязанные «системы социальных позиций — ролей»:

1-я - практической кооперации и-или конфликта соучастников прототипных в прототипной ситуации, допустим с гармоничным распределением ее социальной информации, программы на множестве соучастников, которые еще и периодическим могут «меняться позициями -ролями» в практической интеракции;

2-я игровой кооперации и -или игрового конфликта соучастников игроков в игровой ситуации, допустим так же с гармоничным распределением ее социальной информации, программы на множестве соучастников — игроков, которые так же еще и периодическим могут «меняться позициями -ролями в ролевой игре».

Этим двум взаимосвязанным «системам социальных позиций — ролей» соответствует две сложных взаимосвязанных функциональных системы социальных информации, социальных программ, иерархические пары социокультурных матриц хранящихся объективно в устройстве социальной памяти, на базе индивидуальной памяти каждого соучастника - игрока «групповой игровой имитации», допустим в цепи воспроизводящих ее пар соучастников, как сложного социального куматоида.

Ведь и им, например, детям, игрокам, актерам «театра пантомимы», и нам более или менее понятно «во что они играют», хотя они сколь ни будь полно описать сами свои игры ролевые, часто, не в состоянии, тем более и то, во что они играют.

На наш взгляд, именно социальная коммуникация на основе социально распределенных идентичных видов иерархических устройств памяти игровых имитаций, социокультурных матриц хранящихся в индивидуальной памяти и социально приобретаемых в индивидуальную память соучастников практической реализации социальной программы данного вида «ритуала молчаливой игровой, имитационной социальной коммуникации» и есть то, переходное звено, которое позволяет нам считать отнюдь не бездонной пропасть между феноменами вербальной социальной информации, вербализированных социальных программ и феноменами биологических, генетически ненаследуемых программ, в т.ч. простейшего вида социально приобретаемых и социально распределенных программ. Причем, преодолевается этот разрыв в нашем научном знании, как относительно филогенеза социальной памяти, с ее социальными программами, так и относительно ее онтогенеза, с социализацией — аккультурацией новых поколений новорожденных биоидов нашего вида в того или иного вида социуме — культуры, ее субкультур и кругов общения, со становлением их социальными индивидами, с феноменом «личности». Следовательно, у «теории социокультурных матриц социальных куматоидов» и

здесь есть реальная возможность создания и реализации соответствующих «планов формирующих когнитологических экспериментов», подтверждающих и -или опровергающих вытекающие из данной теории гипотезы.

Интересно то, что даже очень специального назначения устройства социальной памяти «практической арифметики» сообществ «счетчиков — вычислителей, консультантов (определяющих для ответа на вопросы - неизвестные суммы от сложения слагаемых и остатки от вычитания - того, что в теоретической элементарной арифметике именуется «целыми положительными числами») и их заказчиков, консультируемых (озадачивающих, вопрошающих первых)», казалось бы уж ни как не связанные с «игровыми имитациями», обнаруживают с ними доказуемое «кровное родство», а именно они всегда лежат в объективной основе всех иерархических устройств социальной памяти «теоретической арифметики целых положительных чисел» (см. подробнее специальные тексты автора в т.ч. ниже заявленную, но, публикуемую отдельно, статью 4).

На наш взгляд у нас, как представителей формирующихся наук об обществе, культуре и человеке, есть два класса новых, достаточно усовершенствованных и непрерывно семимильными шагами совершенствующихся, наиболее полезных для роста их уровня «научности», специфических «социокультурных призм» для исследования социокультурной реальности:

А. современный информационно — кибернетический подход;

В. современная биология клетки (и одноклеточных, и многоклеточных, и прокариот, и эукариот, и нейроцитов), в т.ч. и прежде всего, как молекулярная биология, биофизика и биохимия, с использованием информационно — кибернетического подхода в биологии, исследующая многообразие и связи биологических, генетически наследуемых и генетически ненаследуемых, в т.ч. простейшего вида социальных, программ.

Явная, и продемонстрированная отчасти нами на примерах, возможность их плодотворного использования, позволяют нам надеяться на новый синтез и рост научности формирующихся наук об обществе, культуре и человеке, если они будут следовать данному пути.

В частности, в ходе формирования математизированной экспериментальной когнитологии, на базе развития и синтеза этологической когнитологии, психонейрофизиологической когнитологии и социокультурной когнитологии.

Одна из важных предшественниц которой - «эмпирическая эпистемология» М.А. Розова и НМС, в Академгородке, а так же, «онтогенетическая эпистемология» Ж. Пиаже, «филогенетическая эпистемология» а ла Куайн и др., «культурно — историческая теория формирования высших психических функции и потребностей человека» Л. Выготского, экспериментальная социальная психология реальных социальных групп, формирующие лечебные эксперименты социальной психотерапии, игр игротехников и др.

Но, в этом пункте автор становится уже на позицию не «субъективного материализма», а на позицию «объективного материализма», ибо любая «когниция», это прежде всего «объективная запись в индивидуальной нейропамяти живого организма той или иной генетически ненаследуемой программы (их комплексов)». Подробнее о философской позиции автора см. краткий собственно философский текст «10 тезисов о дополнительности субъективного и объективного материализма (2013 гг.)», символом символов которого является наше истолкование древнего философско — художественного, иногда, почти религиозного, образа — концепта:

«Уроборос —вечно растущая змея, вечно пожирающая себя с хвоста».

См. о его использовании и истории, например, в кн. Рабинович «Алхимия, как феномен средневековой культуры». Очевидно, что дело в соотношении скоростей и ускорений ее прироста и самопожирания, ибо баланс ни чем не гарантирован. Можно предположить, что в начале начал имела место очень большая или бесконечно большая змея и только очень малый или бесконечно малый кусок ее хвоста был ею уже поглощен.

«Уроборос» - аватар нашего человеческого познания познаваемого и непознанного, не ведомого, и самопознания нами человеческого познания, в котором непознанного и неведомого «в достаточной пропорции» уже нами познанному.

3. О простейших моделях устройств социальной памяти, интеллекта и рефлексии «практического действия».

Социокультурные практические действия в социокультурной реальности нас, как социокультурных индивидов, с объективным живым человеческим организмом объективно взаимодействующим с объективной естественной и искусственной его внешней средой, с

другими нашего вида живыми организмами, кажутся нам той «экспериментальной» опорой на которой можно твердо основывать формирование наук об обществе, культуре и человеке.

Особенно, если речь идет о всегда прагматически кажущемся ценным адекватном и результативном нашем практическом действии, которого уровень эффективности, КПД можно еще и повышать (т. е. исключаются из первоначала и основы этих наук все «неадекватные и безрезультатные псевдопрактики», хотя они и полезны для опровержений ложных гипотез).

Прагматики могут быть циниками, ибо иногда явно не различают два в равной мере эффективных адекватных и результативных практических действия, одно из которых, например, продлевает людям жизнь, сохраняет и восстанавливает их здоровье, а другое, наоборот, убивает, несет людям смерть, разрушает их здоровье, порождает их болезни. Поэтому, прагматизм как философия личной жизни, с ее предельным основанием и критерием истинности и ценности, как «полезности для удовлетворения потребностей», нуждается всегда в дополнительной экспликации его подлинных «критериев оценки ценности». Могущих быть, например, или в русле гуманизма и гуманности, или, наоборот, в альтернативном русле «технократизма, с обогащением и господством над подчиняющимися, любым путем» и бесчеловечности, «благоговения перед Жизнью на Земле» или культа и мифа «вещизма и - или власти, как господства (как критериев «успеха и успешной карьеры»)), с кредо типа: «в накоплении и адекватном - результативном использовании максимума вещей, богатства и-или подчиненных господству других людей — высшее наслаждение, подлинное счастье человека — творца нового и победителя в борьбе, любым путем».

Суть сверхценности «сверхчеловека», представителя не подлинных элит, а псевдоэлит и антиэлит, а ла философский идеал человека Ф. Ницше, в предельном упрощенном виде, как «рабовладельца, в кругу господ, созидающего культурные ценности, на почве удобренной жизнью и смертью массы подчиненных их господству рабов».

В то же время, любая наука имеет абсолютно необходимым, но, не единственным, основанием те или иные социокультурные практики, используемые ее научными сообществами, как «эксперименты», в т.ч. «формирующие новые практические итоги, параллельно новым научным знаниям» и «ретроспективные» - истолковывающие в прошлом реализованные адекватные и результативные практики и неадекватные — безрезультатные псевдопрактики, как «целенаправленно проводимые микро, мезо и макроэксперименты». В очень общем смысле слова

каждый из нас действительно «экспериментатор», если пробует реализовать практически новые цели и- или планы их достижение, т. е. действует, как новатор.

В этом смысле, накопленное человечеством разнообразие социокультурных практик, совершенствование их уровня эффективности и прирост этого разнообразия новыми адекватными и результативными практиками, в т.ч. путем трансформации научных открытий в практически ценные изобретения и реализации научных исследований для изобретения новых практик, действительно важнейшая, но, не единственная, «основа и критерий реалистичности и реализуемости научных знаний», в т.ч. и в науках об обществе, культуре и человеке. Например, таковы наши практики лидирования относительно ведомых в реальных социальных группах, управления менеджерами совместной работой сотрудников социальных организаций, родительской и организационной педагогики, экономических и политических, научных и религиозных реформаций и революций, с их успехами и неудачами, в т.ч. катастрофами.

3.1. Классические и не классические категориальные схемы «практического действия».

Субъективный материализм, в его множестве вариаций, как философия такого «первоначала и основы всего», как расширяющееся разнообразие «социальных практик», с их культурами, нами реализуемых, воспроизводимых и модифицируемых, вновь создаваемых или элиминируемых из употребления, часто исходит из интуитивной очевидности ответа на вопрос «что такое социальная практика?». Например: «Это - социальные целенаправленные действия социальных индивидов, их социальных групп». При этом часто ограничиваясь указаниями, примерами или так называемым «определением через перечисление (задание) элементов множества». Например, указанием следующих 6 видов типовых социальных практик, как процесса целенаправленного активного преобразования чего - либо, кого либо внешнего, объективного, преобразуемого, с участием живого организма человека, в результат, соответствующий поставленной им цели, включая сюда социальные практики, как А. воспроизводственной, традиционалистской направленности, так и В. творческой, инновационналистской направленности, как созидающей что либо, кого либо, так и разрушающей.

- 1.Трудовые практические действия в процессе производства продукта.
2. Практические действия обслуживания и самообслуживания, оказания, предоставления услуги самому себе и-или другим.

Например, 2.1. транспортировочных услуг, с перемещением, перестановкой грузов или — и нам подобных, например, пассажирские перевозки, 2. 2. медицинские практики типа хирургических операций, оздоровительного массажа, с взаимным обслуживанием или односторонней направленности, где явно видна «обработка людей людьми» по Т. Котарбинскому «Трактат о хорошей работе».

3. Экспериментальные практики фундаментальных наук математического экспериментального естествознания и прикладных технонаук практические апробации для создания и испытания опытных образцов изобретений.

4. «Действия управленческие», в «управленческо — исполнительских, вертикальных коммуникациях», например, лидеров, менеджеров, господствующих - принуждающих относительно планируемых и-или реализуемых «исполнительских действий и взаимодействий» ведомых лидеров, исполнителей руководителей, подчиненных — принуждаемых.

Это явно уже социальная практика 2-го рода - «управления воспроизводством и преобразованием социальной практики» 1-го рода, см. выше п.1. и п.2..

5. Иные «коммуникативные действия в коммуникативных интеракциях»:

А. «коммуникативные действия», с информационными услугами, например, консультантов — консультируемым в той или иной культурной форме «ритуала информационного обмена»; В. «обучающие действия» родителей, педагогов, новаторов относительно «действий и взаимодействий обучаемых и самообучающихся в ритуале Урока (детей, учащихся, последователей новатора)». Иногда, например, в педагогике взрослых, с «переобучением». Так же, как и в пункте 4. - это явно социальные практики 2 рода - «управления воспроизводством и преобразованием социальной практики» 1-го рода указанной в п.1. и п.2.

6. «Военные, боевые действия» каждой из сторон «конфликта, на уничтожение противника».

Известно обобщение подмножества описаний адекватных и результативных «социальных практик, с продуктовым конечным результатом, соответствующим поставленной цели (см. выше п.1.)», на проблеме их научного моделирования мы ниже и сосредоточимся.

Мы, при этом, пока что отвлекаемся от учета наличия феноменов «рефлексивной симметрии» - А. акта производства продукта или В. акту познавательной практики самообслуживания, с конечной целью и результатом «идентификация — диагностика», или С. акту целенаправленной демонстрации социального образца производства данного продукта для другого, как оказание ему коммуникативной услуги, его обслуживание, аналогов «ритуала молчаливого Урока» или

«молчаливого консультирования», по М.А. Розова «теории исследования систем, с рефлексией, рефлексивных преобразований, рефлексивной симметрии и асимметрии». Очевидно, что в социокультурных практиках может иметь место и разнообразная иная «полицеленаправленность = полирезультатность» объективно полифункционального практического действия.

Напомним, что «продукт, как конечный результат» в отличие от «услуги, как конечного результата», объективно отделим и от его производящих лиц, и от использующих его лиц, в пространстве, поэтому отдельно от них сохраняем и накапливаем, складываем, транспортируем (включая, информационные продукты в длительно сохраняющихся записях на внешних носителях алфавитом сигналов, например, книги и их библиотеки), «услуга же как конечный результат обслуживания обслуживаемого», или самообслуживания, «неотделима, не сохраняется и не накапливается», как минимум, от ее получателя, обслуживаемого.

Смотрите подробнее о проблеме различения «продуктов и услуг» в кн. Котляр «Основы маркетинга» (пер. с англ.), в учебных монографиях с названием «Сервисология», в т.ч. в нашей интерпретации пути решения важной проблемы современных экономических теорий и сервисологии «проблемы научного сравнительного анализа всех возможных продуктов и услуг». В простейшем случае «услуги самомассажа или массажа массажиста массируемому», наличие этого различительного признака очевидно, во многих, если не всех, иных сложных случаях это нами доказано в общем виде и на примерах (см. опубликованную идею в одной из ст. и неопубл. статьи автора «Проблема научного определения понятия «услуга» и классификации ее видов»).

Обобщенное описание «практик производства продуктов» существует, как минимум, в двух различных вариантах его схематизированного описания.

Согласно первому традиционному варианту описания, социальная практика «производства продукта» всегда включает в себя, в свою потенциальную структуру и актуальную организацию ее функционирования:

1. А. деятеля, с живым его организмом нашего вида (или группу таковых «кроманьонцев», как, минимум, еще и явно так же «практиковавших производство продуктов» сообществ «неандертальцев»), с В. конечной целью и более или менее полным и точным планом реализуемого им (ими) С. практического действия, операций и их процедур (или совместной групповой практической деятельности);

2. 2. А. предмет планируемого действия преобразуемый «деятелем», см. выше п.1., реализующим практическое действие, в 2. В. конечный продуктовый результат, соответствующий конечной цели практического действия.

Получается как бы «трехчленная» схема практического действия, с указанным в п. 2.А. «предметом», с указанным в п. 1. «действующим целенаправленно и по плану живым деятелем» и с указанным в п.2.В. «продуктовым конечным результатом». Как бы очевидно соответствует это описание «технологиям человеческого тела», «ручного труда, без использования инструментов» (К. Леви — Стросс), например, изготовление «голыми руками» из природной глины, ила и т. п. естественных материалов, кирпичей, просушиваемых на солнце, для их использования в строительстве зданий, сооружений и т.п. .

Согласно второму традиционному описанию — «продуктовая» социальная практика включает в себя еще и 3. «средства (орудия, инструменты, живые организмы, механизмы, машины, не являющиеся «предметами», указанными в п 2.А..) практического действия» используемые деятелем указанным в п. 1. для преобразования в ходе реализации им практического действия указанного в п. 2.А. предмета в указанный в п. 2.В. конечный продуктовый результат.

Так определенные «средства» нельзя путать и с прочими дополнительно необходимыми «условиями адекватной и результативной реализации практического действия», например, наличие адекватных деловых площадей и запасов времени для человеческой активности (хронотопа практического действия), отсутствие угроз и опасностей для здоровья и жизни деятеля и т.п..

Получается как бы не менее интуитивно очевидно истинная обобщенная «четырёхчленная схема» практического действия, известная уже и описанная Аристотелем, т. е. , минимум, около 2500 лет. Например, в технологиях «ручного инструментального труда (предметно — инструментально — продуктовая практика)» - изготовления 1.гончаром на 3. гончарном круге 4.посуды из 2. глины для ее обжига и использования, или 1.рубки рубщиком 2.поленьев 3. топором на 4. дрова для топки печи.

Отметим, что есть и еще одно обобщенное описание другого подмножества «продуктовых» социальных практик, обычно ускользающее от внимания здравого смысла и от категориальных схем традиционных политэкономов и философов (но, не технологов, инженеров и менеджеров), где «каждый из двух одновременно используемых объектов есть и предмет, и средство», как в случае ручной сборки конструктивного продукта из пары деталей (насаживания колеса на ось)

или сливания двух различных реагирующих химических веществ в одну емкость, с образованием третьего вещества, или организации спаривания двух особей вида домашних животных разного пола для выращивания, селекции и последующего разведения их потомства.

Именно вышеуказанная «четырёхчленка» определенным образом модифицируется в классической политэкономии 17-18 вв. в так называемую «пятичленку», авторство которой не заслуженно часто в советской философской и экономической литературе приписывалось К. Марксу и на которое он сам не претендовал. Иное дело его вполне оригинальное для 19 века теоретическое и историческое политэкономическое исследование разнообразия «социальноэкономических форм труда реализуемого трудящимся человеком, группами совместно трудящимся (кооперации) в разных формах отношений из-за собственности»:

труда раба, труда крепостного, зависимого крестьянина или свободного труда частного собственника в его частном хозяйстве, например, крестьянина, ремесленника, труда наемного работника капиталистического предприятия (с капиталами его владельцев), труда члена первобытной родоплеменной этнической общности в ее коллективном хозяйстве (при т. н. «первобытном коммунизме»). Именно относительно смены одних «социальноэкономических форм труда» другими - его «организационно — технологическая форма (рубка рубщиком, по плану с конечной целью, поленьев на дрова топором)» и оказывается инвариантной «пятичленкой».

Традиционная праксиология (ведущая свое происхождение от инженерии и менеджмента «научной организации труда наемного работника предприятия, с владельцами его капиталов», особенного, труда на конвейере при максимуме специализации работников и рабочих мест) обычно отвлекается от исследования данного аспекта «социальноэкономической формы организационно — технологической структуры функционирования практик, с продуктовым результатом». В отличие, например, от социокультурной «теории идеальных типов социального действия» М. Вебера (выделенные им типы его: целерациональные действия, ценностнорациональные действия, традиционные действия, аффективные действия; см. так же его «идеальные типы лидерства — следования ведомых за лидером», как пример описания типов социальных практик 2-го рода), традиционная праксиология абстрагируется и от исследования иных социокультурных форм «практического действия», рассматривая только «целерациональные адекватные и результативные практические действия», как противоположность «иррациональных, не адекватных и безрезультатных, псевдопрактических действий (реально не устранимых в принципе, например, как пробно — ошибочных в

самообучении, социальном научении, имитационном самообучении и в творческом изобретении новшеств)». Аналогичным образом традиционная праксиология абстрагируется от учета иных социокультурных форм «совместной групповой деятельности (в т.ч. «социоэкономических форм разделения и кооперации труда в производстве конечного продукта»)), кроме исследования «целерационального преднамеренного координированного и согласованного соучастия сторон в социальной интеракции», как противоположности «социокультурных стихийных столкновений» действующих индивидуально и отдельно от иных социальных индивидов.

Смотрите подробнее о проблеме «полноты описания» в «теории культурных форм социальных интеракций, с преднамеренным соучастием сторон» в тексте автора на сайте «О «клетке» видов социумов — культур и средствах ее исследования».

Для конструктивного получения классической «пятичленки» из «четырёхчленной схемы практики, с продуктовым результатом» достаточно дифференцировать 1. действие рубки рубщика на 1.1.объективные собственно практические «предметно — инструментально — результатные» операции органов чувств и органов действия тела рубщика, в их взаимодействиях с топором и поленом, с дровами и на 1. 2. субъективную «конечную идеальную цель и идеальный план действия рубщика», существующий в «голове организма» рубщика.

Таблица №1. Классическая традиционная организационно — технологическая «пятичленная схема» социальной индивидуальной практики, с продуктовым результатом.

2. Средства - топор		1.1. «Осознаваемая цель и план действия» деятеля, как «идеальный образ, описание — предписание» внутри организма рубщика
	1.2. Операции, процедура действия деятеля — рубка рубщиком	
3. Предмет - полено		4. Результат -дрова

Очевидно, что первую часть целого, указанного индексом 1, т. е. указанную индексом 1.1. часть его, от второй его части, указанной индексом 1.2., отделить в реальности невозможно (ибо это не живой человек, не рубщик, а его расчленённый труп), хотя и отделят некоторые философы «теории социальной деятельности, как единственной intersубъективной реальности», поэтому «четырёхчленка» кажется менее детальной, но, более реалистичной. Но, это можно исправить введением на схеме прямых и обратных связей «стрелкой туда и обратно» между указанным в 1.1. и в 1.2.. Кроме того, стрелками из указанного индексами 2 и 3 к 1.2. можно обозначить «использование» в 1.2. указанного и в 2, и в 3.

Стрелкой из 1.2. к указанному индексом 4. можно обозначить причинно — следственную связь, ибо реализация 1.2., с использованием взаимодействия в нем между 2 и 3, порождает указанное в 4, как трансформацию указанного в 3.

Следовательно, система факторов — причин (или необходимых, хотя и не достаточных, условий) адекватной и результативной реализации практического действия включает в себя, как минимум: 1.2., 2., 3.. Именно она порождает объективное, закономерное и необходимое (в смысле статистической закономерности) следствие, трансформацию указанного в 3. в указанное в 4., «предмета в продуктовый результат (полена в дрова)».

Математически такая «четырёхчленка» казалось бы подобна классической «комплексной функции трех переменных в абстрактном пространстве 3-х координат», достаточно казалось бы рассмотреть процесс многократного воспроизведения одного и того же практического действия тем же «деятелем» в тех же исходных условиях ситуаций, с тем же по качеству экземпляром продуктового результата, т. е. циклический процесс во времени. Классическая «трехчленка» вышеописанная казалось бы подобна «комплексной функции двух переменных» (указанное в 1. и 2. порождает указанное в 3). Но, имеет место, в этой попытке найти матмодель «практического действия», при его многократном воспроизведении, специфическая трудность и сложность. Например, в предельном идеальном случае «полного и точного автокопирования», имеет место 1-я очевидная трудность и сложность - одна из двух переменных (предмет — полена) исчезает, ибо трансформируется в функциональное следствие (продукт — пара дров), следовательно, должно иметь место компенсационное ее восстановление, эквивалентное замещение после каждого повтора практического акта (новый экземпляр предмета — полена в том же месте и положении), нужна казалось бы «логистическая модель»; 2 - ая - менее очевидная, другая переменная (живой организм - рубщик) изменяет параметры состояния, например, утрачивает

определенную меру работоспособности и иные компоненты состояния полной готовности к воспроизведению нового экземпляра «практического действия» (акта рубки рубщика), нужна какая то модель компенсации данных затрат - потерь.

А, например, конечный автомат, с его внутренними состояниями (трактуемый нами здесь, как любой преобразователь, как «черный ящик», любых внешних входных состояний в соответствующие выходные внешние состояния) в математической теории конечных автоматов задается однозначно двумя таблицами (выходов и переходов) и двумя функциями, при этом таблица выходов и соответствующая ей функция абстрагируются от учета:

А. проблем реально возможного изменения параметров внутреннего состояния автомата в ходе реализации данного преобразования (ибо при его многократной реализации, копировании реальным, а не математическим автоматом, с хардом, а не только софтом, необходимы вполне материально — энергетические процессы обеспечивающие возврат в исходному идентичному состоянию);

В. того, что происходит с внешним входным состоянием (его наличие в идентичном состоянии необходимо обеспечить вполне материально — энергетическими процессами при многократном копировании данного преобразования).

Следовательно, нам необходима более конкретная и менее абстрактная матмодель «практического действия», чем операция преобразования оператором операнда в конечный стандартный продукт в работе аналогов конечного автомата, модель построенная на неклассической категориальной схеме «практического действия», которая направлена не на статическое описание его обобщенной структуры, а на описание динамики организации её функционирования, в среде, причем, циклической динамики.

Выявить все очевидные и не очевидные связи в процессе организации функционирования структуры «пятичленки» не так просто, как может это показаться, ибо эта классическая категориальная схема как бы аналог монтажа обобщенного моментального снимка, полученного путем наложением друг на друга последовательности моментальных снимков отдельных моментов процесса социальной практики, с продуктовым результатом, соответствующим его конечной цели. Действие деятеля описывается в ней, как «однотактовое». Сравните с аналогом «однотактовое описание акта работы конечного автомата Милли» и с «двухтактным описанием акта работы конечного автомата Мура», и с «трехтактным описанием акта работы конечного автомата» (автор), как информационно — кибернетического преобразователя («регулятора

регулируемых объектов», как вырожденного случая нормальной информационно — кибернетической системы простейшего вида, с только памятью — регулятором в его зоне адекватного и результативного функционирования), с множеством внутренних состояний - операторов, внешних входных состояний - операндов и выходных, продуктовых результатов операций операторов с операндами (например, могущего быть заданным А. таблицей операций, В. таблицей выходов и С. таблицей переходов).

Неклассическая категориальная схема может быть двухтактной, трехтактной или четырехтактной, описывая процесс смены различных состояний структуры «практического действия». Какова эта последовательность необходимых и достаточных «моментальных снимков», наложенных друг на друга «кинокадров»?

3.2. «Социальные куматоиды», как колебания и волны в социокультурных практиках.

3.2.1. Динамика цикла саморегулирования, с самоидентификацией (контролем), в процессах организации многократного функционирования структуры отдельного практического действия.

Для большей полноты и точности описания и одновременно большей его реалистичности, нам необходимо рассмотреть разные фазы процесса реализации практического действия, заданного классической «четырёхчленной схемой», с продуктовым результатом, как последовательную объективную смену объективных состояний объективно направленного процесса организации функционирования его структуры, выявив ее закономерные модификации на каждой его фазе, в ей соответствующий момент времени (всего 4 момента, см. ниже).

1-й момент. В начальной, стартовой фазе состояния полной готовности есть;

А. только рубщик в состоянии указанном индексом 1.1. схемы, допустим, с только предварительным контролем, поведенчески внешне относительно пассивным (нет регулирующих воздействий эффекторов, манипуляторов на регулируемый внешний объект при идентификациях сигналов от источников), наличия и соответствия стартовой внешней ситуации ее стандарту указанному, в его «идеальном = осознаваемом рефлексией - плане, с целью»:

В. в ней нет рубщика в состоянии указанном индексом 1.2. схемы;

С. в этой первой фазе отсутствует пока что указанный индексом 4. схемы - конечный продуктовый результат — дрова;

Д. отсутствуют преобразующие актуальные объективные взаимодействия наличествующих здесь и теперь указанных индексом 2. схемы - средств — топор (допустим, что предварительное подготовительное действие самообслуживания захват топора в руку рубщиком ранее им реализовано) и индексом 3. схемы - предмет — полено (допустим, что полено установлено в предварительном подготовительном действии самообслуживания или оказания кем либо услуги рубщику).

Начальной, стартовой 1-й фазе отчасти альтернативна очевидно имеющая место завершающая 3-я фаза (аналог 2-го такта «двухтактного акта работы конечного автомата Мура»), следующая после адекватной и результативной 2-й фазы хода реализации «идеального плана» практического действия.

Смотрите подробнее аналог автором заданный тремя таблицами «операций, выходов, переходов» новый вариант конечного автомата (КА) - «трехтактный конечный автомат» в «теории информационно — кибернетических систем» для нужд когнитологии (статья на сайте «ТИКС, в когнитологии и когнитивистике»), наиболее явно подобный, но, не тождественный вышеуказанной «трехчленной схеме» описания социальных практик, с продуктовым результатом, с «технологиями человеческого тела».

Обычно КА трактуется только как модель «преобразователей входных сигналов в выходные», «информационных преобразователей», а не как предельно обобщенное описание некоторого класса аналогов «промышленных роботов на конвейере, идентифицирующих сигналы от источников - объектов и реализующих регулирующие воздействия на регулируемый объект, в рабочей зоне их адекватного и результативного функционирования», но, и такая его интерпретация так же вполне адекватна его предельно обобщенной матмодели.

2-й момент. На 2-й фазе еще нет указанного индексом 4. схемы - продуктового результата — дров, но, уже есть ход процесса объективных взаимодействий и взаимных преобразований (указанного 1.2. с указанным 2. и 3., между указанными в 2 и в 3) при реализации операции, процедуры — процесса рубки рубщика, указанного индексом 1.2., как есть и его, якобы очевидно, «отражающая и регулирующая рубку рубщиком», указанная индексом 1.1. схемы «идеальная цель, с планом». В норме, 2-я фаза реализации практического действия сопровождается ей параллельным объективным процессом «текущего, оперативного контроля

хода и промежуточных результатов реализации практического действия», как А. с внешне поведенчески пассивными актами дистантной идентификации — диагностики, так и В. обязательно с внешне поведенчески активными, контактными идентификациями.

Ибо, например, имеют место, минимум, прямые и непосредственные «тактильно — кинестетические рецепции сигналов от источников, в т.ч. как осознаваемые ощущения данной модальности» в контактах органов действия живого организма рубщика, с топором, поленом, на деловой площади в норме воздушной среды.

3-й момент. На 3-й завершающей фазе уже есть указанный 4. продуктовый конечный результат - дрова, но, уже нет указанного 1.2. процесса реализации операций, процедуры — рубки рубщиком, но, есть указанное 1.1., ибо и если имеет место «контроль соответствия конечной цели и полученного результата», могущий быть, допустим, так же внешне поведенчески пассивным «контролем результата» (как и на 1 фазе - «предварительный контроль») типа «дистантных осмотров итогов реализации для сравнения со стандартом продукта». Кроме того, в этот момент уже нет указанного индексом 3. схемы - предмета — полена (израсходован экземпляр материала и еще не установлен очередной), а указанное индексом 2. схемы - средство — топор, находится уже в пассивном состоянии не готовности к реализации рубки рубщиком, и частично претерпело физический износ, как пока что явно не готов полностью к реализации еще раз фазы 2 и сам живой организм рубщика. Следовательно, нет на 3-й фазе и пока что не может быть прямо и непосредственно адекватно реализуемых стереотипных объективных взаимодействий -взаимопреобразований между указанными в 2 и 3, 1.2. и 2, 1.2. и 3.

Допустим, что имеет место случай «успешного завершения фазы 3», без необходимости реализации корректирующих дополнительных регулирующих воздействий на итог, ибо контроль идентифицировал наличие «стандарта готового продукта, результата = цели практического действия» (есть дрова из данного полена).

4-й момент. Если данное практическое действие воспроизводится данным деятелем неоднократно, ибо конечная «цель его плана» -множество продуктовых результатов в пределах допустимых отклонений от стандарта результата (куча или поленница дров), то явно есть еще и 4-я фаза этого циклического процесса — объективно необходимый «период рекреации» и ситуации, и рубщика к исходному стартовому состоянию полной готовности к реализации фазы 2-й, выше уже описанному, как 1-й момент. Следовательно, имеет место более или менее очевидный процесс возврата исследуемой в праксиологии социопрактической системы, с ее

объективной памятью и субъективной рефлексией, от 3-й фазы к 1-й фазе начальной, стартовой, в принципе могущий быть реализованным разными путями.

Все эти 4 фазовых состояния практического действия в ситуации — рубки рубщиком поленьев топором на дрова, представляются интуитивно очевидно истинными, как и последовательность их смены, в определенной объективной направленности, ибо таков накопленный нам подобными в нашей культуре практический социальный опыт собственный («компетенции» или «умения, как навыки что либо сделать и знания о том, как сделать») и опыт из наблюдения реализации более или менее идентичной «рубки другими рубщиками поленьев топором на дрова», более или менее полно — частично описанный в текстах нашего языка.

Наличие, закономерность и необходимость этих их 4-х последовательных фаз можно подтвердить и строгим методом объективных измерений для составления воспроизводимой «праксеограммы (аналог этограмм в этологии, данных о «рабочих движениях работника на конвейере» в школе «научного менеджмента» Тейлора, Гильбертов и в НОТ)» многократного воспроизводимого более или менее идентичного «практического действия» одним и тем же деятелем здесь и теперь или разными деятелями, в разных местах и в разное время.

Обратим внимание на то, что 1 и 3 фазовые состояния могут быть как бы внешне поведенчески пассивными, если не считать активности контролирующей, идентификационно - диагностической живого организма деятеля, необходимой и достаточной для реализации функций предварительного контроля стартовой ситуации на 1 фазе и для завершающего контроля результата на 3-й фазе, типа «организованного дистантного осмотра по программе». В то время как 2-е и 4-е фазовые состояния это еще и некоторая явно внешняя активность деятеля направленная либо на смену 1 фазы 3-й фазой, либо в обратном направлении.

Например, в последнем случае рубщику или его помощнику необходимо а. поставить еще одно полено на соответствующее место и соответствующим образом, в. восстановить своего живого организма способность еще раз реализовать то же практическое действие (процессы рекреации в живом организме), с. вновь занять позу для перехода к реализации очередного акта рубки, с захватом топора для размаха топором, в состоянии готовности к реализации определенной направленности и мощности потенциального удара.

Сравните с авторской, более общей информационно - кибернетической 4-х тактной моделью микроцикла, элементарного цикла адекватного и результативного функционирования (идентификационного, распознавательного или регуляторного, преобразовательного), в

макроцикле адекватном и результативном информационно — кибернетической системы (ИКС) простейшего вида, в «теории ИКС для когнитологии» предложенной автором (на сайте). На базе ее использования для построения данной существенно более сложной модели «социопрактического действия» и получено излагаемое описание его «циклической динамики».

Таким образом, понятие «структуру пятичленки» адекватно можно только представив циклическую динамическую организацию функционирования исследуемой и указываемой в схеме открытой (проточной) функциональной системы с её модифицирующейся структурой, с периодической сменой ее 1 и 3 состояний, т.е. как процесс прямого преобразования фазового состояния 1 в состояние 3 (фаза — период 2-й), и процесс обратного преобразования состояния 3 в состояние 1 (фаза — период 4-й).

Причем, 1 и 3 фазовые состояния, с их параметрами практического действия являются объективными для данной простейшей группы преобразований (прямое, обратное и тождественное), и имеются следующие инварианты относительно данной группы преобразований.

1. Живой организм деятеля, с его содержанием рефлексии типа «идеальный план и цель действия (то, как А. ожидаемое будущее, предвидимое в рефлексии проспективной при планировании, то, как В. текущий поток реализации на каждой из фаз - идентифицируемый осознанно, в рефлексии оперативной, то, как С. прошлое, уже реализованное, вспоминаемое в рефлексии ретроспективной)» и с хранящейся в его живой памяти объективно параллельной «записью социальной программы реализации действия». При этом, его живой организм трактуется нами А. и как источник сигналов для самого себя и как идентификатор сигналов от внешних источников, В. и как регулятор самого себя и регулируемых объектов, например, живой организм рубщика.

2. Объективный предмет, как источник сигналов и как регулируемый объект, преобразуемый в объективный продукт (позже, так же источник сигналов), и сохраняющийся частично в продукте, например, полено в дровах.

3. Объективное средство, как источник сигналов и как регулятор - посредник в реализации регулирующего воздействия, частично сохраняющееся, частично изменяющееся (ибо и если - многократного использования до полного износа), например, топор.

Последний 3-й инвариант данного цикла преобразований не всегда обязательно имеет место, например, в случае «технологии человеческого тела» он отсутствует, ибо «средства — объекты посредники воздействия на предметы - объекты», в них не используются.

Тогда имеют место только два инварианта 1-й - указанный индексом 1.2., с «планом и конечной целью» и с параллельной «записью социальной программы практического действия деятеля в ситуации» в живом организме рубшика и 2-й указанный индексом 3. - объективный предмет, могущий реально быть преобразованным при определенном взаимодействии с указанным индексом 1.2. в указанный 4. объективный продуктовый результат.

Обобщенной матмоделью такого вида «социального практического действия, с продуктовым результатом», как объективной циклической процессуальной реальностью, многократно воспроизводящейся явно является именно «группа преобразований, с инвариантами», что отчасти это уже ранее фактически установлено обнаружением их эпистемологических аналогов экспериментами в русле «генетической (онтогенетической -авт.) экспериментальной эпистемологии» Ж. Пиаже (см. его понятие об «обратимых операциях» при описании данных экспериментов в процессе «формирования адекватных понятий» у детей о сохранении количественных инвариантов). См. так же опыты теоретической систематизации в данном русле у Веккера в многотомнике «Психические процессы», и в философии истории науки дисс. «Инварианты в научном познании» и статьи в ж. «Философские науки» В.Д. Педича. Информационно — кибернетический подход позволяет это моделировать, еще и как генетически ненаследуемую «функциональную саморегулирующуюся систему, с аналогом отрицательной обратной связи» воспроизводящегося поведенческого акта, в воспроизводящейся внешней ситуации, процесса реализуемого по объективной, генетически ненаследуемой «записи социальной программы» в индивидуальной памяти «запоминающего устройства» живого организма деятеля, используемой в нем для «считывания и перекодировки» в соответствующие «рецепторные идентификации сигналов от источников» и «эффektorные регулирующие воздействия на регулируемые объекты», в т.ч. в воспроизводящейся внешней ситуации, как аналоге «внешней зоны адекватного и результативного воспроизводства функционирования» данной реально сверхсложной «функциональной саморегулирующей системы».

3.2.2. Существуют ли колебания в индивидуальной и волны в групповой социокультурной практике?

Вышеизложенное описание закономерного цикла позволяет нам обнаружить еще и то, что многократно воспроизводимое социопрактическое действие такого вида - есть своего рода

«социокультурное колебание (колеботоид, осциллятор)», в воспроизводимое периодически в соответствующих внешних условиях.

Достаточно допустить, что мы имеем некоторый экспериментально измеримый комплексный показатель специфической величины $У$, как параметра состояния «структуры практического действия», а, именно, «состояния полной готовности деятеля и его стартовой внешней ситуации, как целого, к адекватной и результативной реализации» хода данного практического действия, многократно им воспроизводимого, как сразу становится интуитивно очевидным то, что:

А. в стартовом его состоянии 1-м эта его величина $У$ принимает максимальное значение;

В. а в завершающем его состоянии 3-м — минимальное значение.

Т.е. - показатель $У$ колеблется в интервале больше 0 и меньше 1. Соответственно, в состоянии 2-м - он убывает, а в состоянии 4-м - он возрастает.

Если период колебания ее значения более или менее постоянный (отклонения от нормы в допустимых пределах данного аналога системы автоматического регулирования с отрицательной обратной связью), как и амплитуда, равная половине размаха ее колебаний (отклонения от нормы так же в допустимых пределах), то многократное воспроизведение такого практического действия в такой ситуации - это действительно цикл колебаний своего рода «социокультурного осциллятора (колеботоида)».

Это не метафора или методологическая аналогия, а опыт точного применения известной классической, предельно обобщенной и универсально применимой в соответствующем множестве описаний прототипов математической модели из физической «теории колебаний и волн» (см. например, одноименную фундаментальную монографию известного физикам Зубова «Колебания и волны», и вообще кинематику синусоидальных и косинусоидальных графиков периодических функций, без учета конкретных видов энергий и веществ - полей).

Причем, не важно остается ли исследуемый рубщик на том же самом месте или переходит от одного рабочего места к другому, пользуется одним и тем же топором или каждый раз новым его экземпляром, как и всегда в норме - новым экземпляром полена.

Этот «социокультурный осциллятор (колеботоид)», нельзя полностью отождествлять с «социальным куматоидом» в смысле проф. М.А. Розова, ибо в последнем, в идеальном, предельном случае, может иметь место только полное замещение структуры, т. е. и новые А. идентичные последователи их предшественников воспроизводят идентичный социальный образец, социальную программу предшественников, и ими при этом используются новые

идентичные экземпляры В. объективного предмета, С. объективных средств для получения новых идентичных экземпляров, и получается новый экземпляр Д. объективного продуктового результата.

Например, классический «социальный куматоид» по МАР — модели, имеет место в цепи реальной социальной «кооперированной» группы из 3-х -7-ми рубщиков дров, с рабочим временем в одной и той же смене, каждый на своем определенном «рабочем месте в течении рабочего времени», например, при их однородной и последовательной в пространстве - времени «кооперации». Причем, последующий рубит после завершения рубки предшествующим, как бы по демонстрируемой и зрительно наблюдаемой сигнальной команде с семантикой типа «делай как я, еще раз!». Конечная ее общая для всех соучастников цель и результат продуктовой - совместно нарубленная куча дров за одну смену, на общего использования деловой площади, с запасом общим поленьев для рубки. Обратим внимание на специфику организации функционирования хронотопа данной «кооперации». Фактически термин «социальный куматоид» применительно к данному случаю характеризует определенный аспект «социальной эстафеты», в классическом ее определении МАР.

Так же «социальный куматоид», вполне в соответствии с вышеприведенным определением наиболее его существенного признака (полное замещение), в его предельном, идеальном случае, имеет место даже если это происходит в том же самом месте, на той же «деловой площади», в отдельные, дискретные моменты времени. Например, подобно «смене смен» при многосменной работе в производстве продукции, иногда, с т. н. непрерывной технологией, но, при условии том, что каждая смена приходит со своими «средствами», например, топорами. В простейшем случае, допустим, что сменяются пары рубщиков предшественник — последующий, с топорами, предшествующего замещает последующий, и так на протяжении каждых 24 часов в сутки, допустим 4 смены по 6 часов рабочего времени каждая. Это кооперация реальной группы 4-х рубщиков однородная и последовательная, но, не в реальном пространстве, а только во времени, на одном и том же рабочем месте, с общим продуктовым результатом за каждые 24 часа. Уступка — освобождение рабочего места предшественником есть аналог команды последующему — «заступить — занять рабочее место и приступить к рубке». Очевидно, что это альтернативный тип («работе 4-х рубщиков в одну смену») специфики организации функционирования хронотопа данной «кооперации». В последнем из двух указанных случаев «воспроизводство кооперации рубщиков во времени хронотопа» так же реализуется в специфической социальной эстафете, но,

воспроизводящееся практическое действие не меняет свои координаты в пространстве. Такой «социальный куматоид», по М.А. Розову (ибо замещение всего разнообразия функциональных элементов структуры практического действия), явно напоминает модели центров автоколебаний некоторых химических реакций в открытых (проточных) системах, в среде, куда выпадают израсходованные остатки реагентов и откуда поступают новые экземпляры готовых в участие реагентов, как подобие знаменитых в синергетике «реакций Белоусова — Жаботинского (РБЖ)». Математически, в предельно общем виде, этого явный аналог так же и некоторые полностью самовоспроизводящиеся системы, в среде, описываемые той же самой или аналогичной блок — схемой, когнитологической картой и системой уравнений, что и самовоспроизводящиеся простейшие виды социумов — культур, в их природной окружающей среде (см. статьи автора и коллеги П. Лукша, его книга, в т.ч. на сайте, впервые простейшая матмодель предложена д. ф.-м. Е. Сатаевым и Р. Плыкиным, для когнитологической карты Плеханова А.Д., составленной им по его ранней блок — схеме 1980 г.).

Приняв за U размах колебаний значения данной величины «состояния полной готовности» (его половина равна амплитуде), а за X — полный период ее колебаний (величина ему обратно пропорциональна -частота), мы в идеальном, предельном случае получим график функции, например, типа косинусоиды или ей подобной импульсоиды, а экспериментально получим лишь спектр таких графиков. Ибо уже давно экспериментально установлено, что при воспроизведении многократном человеком того же самого практического действия имеет место феномен «повторения без повторения (Бернштейн в кн. «Физиология движений»)», да и известно, в общем случае, что полное и точное автокопирование цикла по динамическому закону в принципе не реализуемо в сложных квазистационарных открытых (проточных) системах. Можно считать эту гипотетическую, в сугубо предварительном виде изложенную модель - предсказанием существования специфических подобного рода «спектральных социопрактических осцилляторов (колебатоидов)», требующим опровержения или подтверждения экспериментальными данными, не смотря на кажущуюся ее самоочевидную истинность и опору на некоторые теоретические модели экспериментальной психологии и праксиологии, их фактические данные.

При этом данное предсказание не соответствует однозначно объяснениям эмпирической эпистемологии проф. М.А. Розова, на базе использования им его «теории социальных эстафет», о существовании «социальных куматоидов», ибо «социокультурные осцилляторы» это существенно более разнообразного вида социокультурные структуры и организации их

функционирования, которые и описываются разнообразием матмоделей, а социальные куматоиды — их предельный, идеальный случай, его отличительный признак - полное замещение всего разнообразия множества элементов структуры функциональной системы многократно воспроизводящегося практического действия, в идентичных условиях.

Например, вышеупомянутая 4 сменная работа 4-х рубщиков на одном и том же рабочем месте (совместно используемая рабочая площадь и запас предметов — поленьев на ней— минимальный уровень «совместности групповой деятельности 4-х рубщиков», см. статьи автора о классификации видов «коопераций»), каждый со своим топором, в течении 24 часов суток, каждые сутки, в их однородной и последовательной во времени кооперации, с гармоничным распределением ее социальной программы идентичной в записи индивидуальной памяти каждого из 4-х соучастников, и самоуправленческим типом отношений «управления — исполнения» в ходе воспроизводства их кооперации каждые сутки. Это типичный «социальный куматоид» по МАР — моделям (явный аналог «имманентной композиции нормативных систем, как устройства социальной памяти социальной коммуникации») и частный, предельный случай сложного функционального комплекса из связанных 4-х «социальных осцилляторов (колебатоидов) отдельного практического действия» по предлагаемой нами здесь их модели, который как бы «перемещаются во времени», в связи с периодической заменой экземпляров элементного состава его функционирующей структуры, с теми же ее координатами в пространстве того же колебания. Это явно неклассическая простейшая «социальная эстафета», ибо ее типичные показательные примеры всегда связаны с множеством участников в пространстве на расстоянии «зоны наблюдаемости образца предшественника — демонстратора для данного его последователя, воспроизводящего данный социальный образец =социальную программу».

Но, новый «сменщик - последователь» наблюдает только завершающую фазу им «сменяемого — предшественника» или просто им реализуемый «акт освобождения рабочего места», в этом смысле прямо и непосредственно он не наблюдает того социального образца, который воспроизводит (хотя в прошлом, естественно, наблюдал и многократно, и воспроизводил). Представим, что знаменитый «корабль Тезея» не только периодически обновляется полностью по материалу, но, и по персональному составу его корабельной команды, включая «заместителей Тезея», - этот случай «воспроизводства» и есть «социальный куматоид» по данной МАР — модели, и частный, предельный случай таких сложных комплексов «кооперированных социальных осцилляторов».

Применительно к исследованию социокультурных практик — это описание не что иное, как выделение широкого класса «социокультурных колебатоидов (осцилляторов)», в котором «социальные куматоиды» по МАР — моделям — один из частных, предельных случаев, в одной из двух его вариаций.

1-я вариация - «воспроизводство социальной практики идентичной, в тех же пространственных координатах», в нашем случае формально идентичной «модели замкнутой в кольцо эстафетной структуры из замещающих друг друга соучастников, с используемыми ими собственными средствами у каждого», но, замкнуто это кольцо во времени, а не в пространстве, ибо такова специфика данного типа «социокультурного хронотопа» в данной кооперации (4-х сменная кооперация 4-х рубщиков, с «ритуалам передачи, уступки — приема, занятия рабочего места и молчаливой сигнальной коммуникации сменщиков»).

2-я вариация «социальных куматоидов» имеет место в классической МАР — модели «игры в исправный — испорченный телефон», где соучастники коммуникативной кооперации так же однородной и последовательной так же замещают друг друга периодически, но, при этом «социальный осциллятор практики произношения речевого текста на языке» периодически меняет одни координаты в пространстве на другие. Есть интересная проблема его отличия от нейрофизиологического и физического осциллятора, с уже науке давно известными колебаниями при автоматическом произношении известных наизусть всем участникам текстов, например, многократно воспроизводимых периодически каждым говорящим, с модуляцией несущей волны выдыхаемого воздуха. Завершение «воспроизведения речевого текста» предшественником в круге соучастников автоматически порождает «сигнальную команду» для последователя «начать собственное воспроизводство идентичного речевого текста». Здесь мы выходим на проблему экспериментальной проверки следующей гипотезы, казалось бы «натуралистической и редуccionистской», с позиций и установок «объективного (например, естественнонаучного) материализма»:

социокультурные практики индивидов и их групп, с их памятью, интеллектом и рефлексией, нашего вида есть, не что иное, как только лишь специфическая реструктуризация и реорганизация биологического качества и количественное усложнение, в направлении самосовершенствования (прогрессивной эволюции), генетически ненаследуемого поведения особей и популяций высших антропоидов, с их памятью, прединтеллектом и предрефлексией, в их видотипичных эконишах.

Напомним, что немногим более чем полувек назад значительная часть биологов так же не были согласны с гипотезой о том, что живая жизнь, самосохранение — самовоспроизводство, размножение и расселение в ареале обитания вида, например, простейших одноклеточных прокариот, могут и должны быть объяснены и предсказаны с позиций и точки зрения физико-химических наук (ибо «редукция живого к неживой природе»), но, сегодня это несомненно просто текущая постепенно все более полно и точно решаемая задача биофизики и биохимии клетки, молекулярной биологии, исходящих из того, что жизнь есть только лишь специфическая реструктуризация качества и количественное усложнение, с прогрессивной эволюцией, специфических неживых систем, в среде, исследуемых науками физико-химическими.

Аналогичной вышеприведенной казалось бы была и МАР — модель игры групповой ,типа «Жив, курилка!», с передачей еще и реальной эстафеты - горящей лучины (и многие ее существенные аналоги), а не только с воспроизводством данного речевого текста, по кругу соучастников (коммуникативная эстафета передачи — приема сигналов на внешних носителях, без аналога «эстафетной палочки»), но, это более сложный случай, ибо здесь «социальный куматоид (коммуникативный)» 2-я вариация по МАР, совмещен с «социокультурным колебатоидом (осциллятором)» (имеет место их объединение в единый функциональный комплекс), ибо и если «горящий предмет» не замещается, а передается- принимается в пространстве по кругу соучастников без замещения (есть передача — прием еще и реальной «эстафетной палочки» в цепи ее транспортировщиков). Отметим, что этот показательный пример, еще и одна из известных иллюстраций «математической теории изоморфизма множеств» и чисто теоретико - множественного истолкования значения и смысла понятия «взаимная информация в одном множестве о другом» в предельном, идеальном случае полная и точная, с мерой неопределенности равной 0, если не рассматривать реально имеющие место статистические закономерности процессов воспроизводства соответствующих данным социокультурным практикам колебаний и волн.

Интересен для сравнительного анализа и явно аналогичный случай типа передачи по кругу напечатанного текста, книги, с чтением каждым соучастником одного и того же текста, где вероятность «испорченного телефона» закономерно существенно убывает, при прочих равных условиях, но, кроме эстафеты «чтения- произношения», имеет место и еще и передача - прием реального аналога «эстафетной палочки» - книги, с напечатанным текстом (информационный

продукт, сигналы из алфавита на внешних носителях, с явной их задержкой в линиях связи, средство используемое для оказания — получения инфоуслуги).

Итак, с одной стороны, некоторые «социальные колебатоиды (осцилляторы)» не являются «социальными куматоидами» по МАР — модели (нет признака «полное замещения элементов структуры на идентичные экземпляры»), а некоторые, как минимум, «социальные куматоиды» по МАР - модели - казалось бы не являются «социальными колебатоидами (осцилляторами)», ибо последние не перемещаются в пространстве, по определению!?

Сравните, с предельно обобщенной моделью и графиком косинусоиды для колебания 4-х тактного микроцикла, элементарного цикла адекватного и результативного функционирования в макроцикле ИКС простейшего вида («кинематика информационно- кибернетических колебаний и волн»), полученного автором в предложенном варианте «ТИКС для когнитологии и когнитивистики», как раз в поиске методов решения проблем исследования и точного моделирования «воспроизводящихся социальных практических действий», как колебаний и волн. Как мы убедимся, выделение нами «социокультурных колебатоидов (осцилляторов)», как колебательных циклов многократно воспроизводящихся социопрактических действий, в тех же пространственных координатах, важный результат, ибо он позволяет нам построить и простейшую гипотетическую классическую матмодель «социальной волны» а, именно, как «социопрактической осцилляции, колебания перемещающегося в однородной социокультурной среде», а не просто более или менее периодически в ней воспроизводящейся, в локусе ее хронотопа с постоянными пространственными координатами.

Это модель «движущегося в пространстве со сменой координат социального колебатоида (осциллятора)» идентична МАР — модели еще одного специфического социального куматоида (волноподобного объекта) по проф. Розову М.А., сравнительно с вышеуказанным типа «многоосменной работы на том же месте», ибо подобно волне классической физики это именно еще один пример «колебания, перемещающегося в пространстве однородной среды». Например, в социопрактической среде совокупности идентичных рубщиков с идентичными поленьями, топорами и дровами, расставленных по кругу, и реализующих последовательно (не важно — почему, но, при обязательном наличии их сигнальной связи, коммуникации попарно) периодически идентичные практические действия рубки поленьев топором на дрова, в их цепи «последователей — предшественников»: А. линейной, в т.ч. по форме замкнутой в кольцо, или В. в форме «веера лучей» по радиусам окружности от аналога их источника в ее центре.

Последняя форма расстановки по «рабочим местам» важна для демонстрации далее наличия одного из классических качественных признаков наличия волны - «обхода волной препятствия». Тем самым нам удастся указать путь решения конкретной и фундаментальной научной задачи, которую сформулировал, но, не смог при жизни лично решить проф. М.А. Розов, когда то в Московский период его жизни и творчества, лично автору, с сожалением, указавший на то, что для исследуемых им «социальных куматоидов (волноподобных объектов)» не удастся записать «волновое уравнение». Это и не удивительно, ибо первоначально необходимо записать «уравнение колебания», найти «колеблющуюся периодически величину, как параметра состояния моделируемой системы, в среде». А для первого рода социальных куматоидов типа вышеуказанного случая «многосменной работы на том же месте» волновое уравнение и в принципе не может быть записано, ибо ему соответствует только «уравнение колебания», или когнитологическая карта и система уравнений (логистических) для «циклов простого самовоспроизводства системы (открытой, проточной), в среде ее адекватного и результативного функционирования», ибо все функциональные части ее целого на данном месте периодически выпускаются из него в среду и впускаются в него из среды.

При этом эти отдельные социопрактические колебания на одном и том же месте могут быть иногда и ни как не связаны между собой, поэтому может объективно наблюдаться воспроизводство последующими предшествующих, но, нет - ни какой ни предшествующей этому их «организационно — планирующей» связи (планирование и план или образец последовательной однородной кооперации множества рубщиков в «многосменном режиме совместной работы» отсутствует), тогда ни какой актуальной коммуникации, сигнальной связи между «сменщиками» так же не наблюдается. Например, нет у каждого из них «ритуала смены сменщика» и они никак прямо и непосредственно не вступают в контакт, им ничего не известно о работе друг друга, т. е. нет феномена «кооперации рубщиков» и идентичной у всех объективной «записи социальной программы кооперации», и параллельного ей субъективного «образа — концепции кооперации» в содержании их рефлексии, хотя объективный конечный итог работы их совокупности может быть по количеству и качеству продукции идентичным более или менее. Следовательно, исследователь сталкивается с «навязчивой иллюзией существования социального куматоида кооперации», в то время как объективно существуют только отдельные колебания, «социальные осцилляторы» периодически воспроизводящиеся в том же самом месте, ни как не связанные между собой.

В этом пункте М.А. Розов был прав, ибо с содержательной точки зрения волновое уравнение описывает только некоторые классы, подмножества «социокультурных колебаний, как волн», только такие, где есть, как минимум, сигнальные связи в цепях коммуникации между множеством соучастников, где последующие, например, начинает воспроизводить идентичное практического действия предшественника, только после приема — идентификации сигнала о завершении им его практического действия (МАР их именовал «активаторами»). Роль этого сигнала «старта» объективно аналогична роли «спускового крючка», т. е. эффект его приема — идентификации усиливается каждым последователем предшественника порождая переход его практического действия от 1 фазы ко 2-й, при прочих равных условиях. Следовательно, часть объективной «записи социальной программы» каждого последователя реализующую «предварительный контроль» на 1 фазе ее практической реализации, включает в себя и запись итога приема — идентификации сигнала о завершении практического действия предшественником. Передача данного сигнала старта предшественником может быть побочным следствием, т. е. «идеального плана и цели» передать сигнал старта последователю у него может и не быть, а может быть так же «записана в его социальной программе порождения активатора», как еще один коммуникативный конечный результат (кроме продукта) реализации им практического действия (бицелевое и бирезультатное практическое действие, о наличии которых философствующие часто забывают).

Например, уже простейший случай однородной и последовательной в пространстве коопераций, самоуправляющейся и с гармоничным распределением социальной программы ее воспроизводства на множестве соучастников, при «молчаливой коммуникации», с минимумом уровня совместности их групповой целенаправленной деятельности (общее использование деловой площади и запаса предметов для преобразований), обеспечивает такую их коммуникативно опосредованную координацию в режиме реального пространства — времени данных деловых площадей.

А если, например, наоборот, имеет место именно воспроизводство многосменной последовательной однородной кооперации группой последователей рубщиков, с непрерывным графиком, как бы по общего пользования социальному образцу, социальной программе другой группы предшественников рубщиков, то мы имеем специфический сложносоставной социальный куматоид по МАР - моделям (см. например, о моделях «сопряженных нормативных систем» и позже «сопряженных социальных эстафет»), а при аналогичной смене и поколений индивидов, и

поколений социальных вещей ими используемых или — и производимых по МАР имеет место - «социум, как волна». Хотя при этом никакого перемещения колебания в пространстве может и не иметь места, оно только во времени воспроизводится приблизительно на том же самом месте по объективным его координатам, при наличии тех же самых природных и социокультурных условий. В случае подлинной «волны» просто добавляется еще один параметр моделируемой системы в матмодель - «длина волны», в то время как в случае «колебания» он отсутствует, хотя здесь в классическом случае и есть перемещения воспроизводящегося колебания, но, не в пространстве, а во времени.

3.2.3. Проблема классификация простейших видов колебаний и волн в социокультурных практиках.

Рассмотрим все возможные простейшие колебания и волны в социокультурных практиках, пока что применительно к нашим «многократно воспроизводимся социальным практикам». Например, индивидуальным типа «рубки рубщиком поленьев топором на дрова» или совместным, групповым типа «однородной и последовательной кооперации (последовательной во времени «смен сменщиков» или в пространстве расположения рабочих мест одной смены)» 4-х рубщиков, с гармоничным распределением социальной программы кооперации в целом («все умеют и знаю как делать и как взаимодействовать»), с внутригрупповым самоуправлением — самоисполнением, с низким уровнем совместности (общее использование только производственных площадей и запаса предметов — поленьев для получения общего количества продукта в сутки).

1. В столбцах типологической таблицы укажем два альтернативных типа «социокультурных осцилляторов (колебатоидов)»:

в 1.1. столбце - «не перемещающиеся в пространстве, со сдвигом во времени (координаты в пространстве колебания постоянны)» в процессах воспроизводства идентичной социокультурной А. индивидуальной практики или В. групповой, например, «кооперативной» практики, с продуктовым результатом;

в 1.2. столбце - «перемещающиеся в пространстве (со сменой координат колебания в пространстве)» в процессах воспроизводства А. индивидуальной практики (проблема существования и осуществимости, без и вне кооперации, например, у антропоидов и детей

младшего дошкольного возраста)) или В. совместной, групповой социальной практики, с продуктовым результатом.

2. В строках типологической таблицы укажем три существенно различных показателя «меры замещения функциональных элементов структуры, частей целого воспроизводящейся социальной практики им существенно идентичными экземплярами элементов, частей»:

1. предельный, идеальный случай полного отсутствия «эффекта замещения»;
2. не полное, частичное наличие «эффекта замещения», от минимума до максимума;
3. предельный, идеальный случай наличия «эффекта полного замещения».

Таблица позволяет выделить 6 или 12 различных формально возможных простейших типов «социокультурных осцилляторов (колебатоидов)» и выработать далее точное определение их множества.

Но, уже сейчас ее использование позволяет точно доказать, что «социокультурные осцилляторы», колебания и волны в социокультурных практиках» - это более широкое понятие, а понятие о «социальных куматоидах» 1-го и 2-го рода более узкое, которое обозначает лишь подмножество «социокультурных осцилляторов», как их важный, но, частный, специфический предельный случай.

Таблица 2. Простейших типы «социокультурных колебаний и волн» на микроуровне социокультурной реальности.

<p>1. «социальные осцилляторы (колебатоиды)»</p> <p>2. мера «эффекта замещения»</p>	<p>1.1. как колебания, с постоянными координатами в пространстве:</p> <p>А. «индивид-е».</p> <p>В. «кооперат-е»</p>	<p>1.2. как волны, со сменой координат колебания в пространстве:</p> <p>А. «индивид-е»</p> <p>В. «кооперат-е»</p>
<p>1. полное отсутствие</p>	<p>1./1.1. проблема доказательства существования и осуществимости.</p> <p>Например, в случае воспроизводства индивидуального «физкультурного упражнения — тренировки» типа «бег на месте»?</p> <p>Или в случае «кооперации для многократного повторения совместного физкультурного упражнения на том же месте»?</p>	<p>1./1.2. проблема доказательства существования и осуществимости</p> <p>Например, в случае воспроизводства индивидуального или совместного «физкультурного упражнения — тренировки» типа «бег на короткую дистанцию, по совокупности равных беговых отрезков последовательных беговой дорожки кругообразной»?</p>
<p>2. не полное, частичное «замещение».</p>	<p>2./1.1. типичные 1 рода «социокультурные осцилляторы (колебатоиды)»:</p> <p>А. индивидуальных практик,</p> <p>В. «кооперативных» практик.</p>	<p>2./1.2. типичные 2 рода «социокультурные осцилляторы (колебатоиды)»:</p> <p>А. индивидуальных практик,</p> <p>В. «кооперативных» практик.</p>
<p>3. «полное замещение»</p>	<p>3./1.1. «социальные куматоиды» 1 рода по М.А. Розову: А. или В.</p>	<p>3./1.2. «социальные куматоиды» 2 рода по М.А. Розову: А. или В.</p>

Естественно, кроме «кооперативных» практик, можно рассмотреть и «ритуализированные» конфликтные практики, практики «форм обмена» и т.п..

Следовательно, введенное МАР понятие «социальный куматоид» получает:

1. более общее и точное научное определение, как подмножество множества «социальных осцилляторов (колебатоидов)» в процессах воспроизводства социокультурных практик, с «эффектом полного замещения» всех функциональных элементов структуры социокультурной воспроизводящейся практики на существенно идентичные экземпляры, при сохранении ее как инварианта и цикла организации ее функционирования ;

2. в подмножестве «социальных куматоидов» в явном виде выделяются два его собственных подмножества с индексом 3./1.1. и 3./1.2. (классический для МАР и НМС, как «социальная эстафета»), каждый в варианте А или В.

Кроме того, дополнительно выделяются еще два подмножества «социокультурных осцилляторов (колебатоидов)» не являющихся «социальными куматоидами», с индексами 2./1.1. и 2./1.2., каждый в варианте А и В.

Требуют доказательства существования и осуществимости еще два подмножества формально кажущихся возможными социокультурных осцилляторов (колебатоидов), с индексами 1./1.1. и 1./1.2., при полном отсутствии «эффекта замещения». Предварительное мнение автора — таковых не существует и они не осуществимы, даже, например, в таком относительно редком случае социокультурной практики, как объективно реализуемая многократно сборка — разборка конструктивного продукта из деталей и на детали, ибо имеет место постепенный износ деталей и требуется минимальный период «рекреации» максимума состояния готовности на 1 фазе организма сборщика — разборщика продукта. Указанные со знаком вопроса случаи так же требуют «периода рекреации» в живом организме «физкультурников, без использования в повторяющихся упражнениях физкультурных снарядов» после завершения предшествующего упражнения и перед началом его повтора. Этот последний вид минимума «эффекта замещения», видимо, в принципе не устраним при любом автокопировании, аутоимитации собственного практического действия, здесь мы сталкиваемся с антропологической константой, лимитирующей весь спектр реально возможных колебаний и волн в социокультурных практиках нам подобных (через неё проявляется не только анропосоциокультурогенез нашего вида, но, генезис жизни на Земле).

Если это будет точно экспериментально доказано, тогда существует только 4

не пересекающихся подмножества «социокультурных осцилляторов (колебатоидов)», каждый в двух вариантах А и В.

Думается, что было несколько факторов сделавших невозможным для использующих «МАР — модели» типа «социальных куматоидов», в т.ч. и автора почти до 1998 г., описать в предельно общем виде, полно и точно социокультурные колебания и волны в «социальных практиках и процессах их воспроизводства», в их математической модели.

1. «Субъективный материализм» не позволял поставить проблему выбора и найти решение о виде «специфики пространственно — временных параметров социокультурных практик и их воспроизводства (проблема хронотопа практик)», которые в МАР — моделях учитывались, но, не явно. Между тем, максимальная скорость эскадры определяется скоростью самого тихоходного корабля, объективными методами измеряемая скорость перемещения автоволн в цепи нейронов и волн в процессах реализации мускульных реакций (сокращений, сжатий и растяжений, расслаблений) человеческого организма весьма далека и от скорости света в пустоте, и от скоростей и масштабов современной физики микромира. Следовательно, мы имеем достаточно оснований для принятия и использования в большинстве случаев модели более или менее «ньютонова пространства и времени» в наших моделях исследуемых «хронотопов социокультурных практик», как поведенческих поступков и интеракций нам подобных в ситуациях внешней среды социума и природы, без чрезмерного «отрыва от исследуемой реальности».

Без введения пространственно — временных параметров исследуемых феноменов трансформация эмпирической эпистемологии в экспериментальную науку, о чем начинал думать последний период творчества и сам МАР, в принципе не реализуема, ибо требуется предсказание данных измерений и получение измерений в хронотопах экспериментальной формирующейся практики.

2. Вслед за большинством советского периода российских философов, включая ГПЩ, МАР — использовал устаревшую, очень древнюю категориальную схему описания «акта практической деятельности» типа вышеуказанной «трехчленки» и «пятичленки», это автоматически ограничивала возможности ставить и искать решение проблемы «периодически колеблющегося параметра состояния акта практической деятельности», только после решения которой и можно было бы перейти естественным образом от записи «уравнения колебания» к записи «волнового уравнения».

3. «МАР — модели» как бы игнорировали модное увлечение в науках и философии примерами, аналогиями и моделями «синергетики», между тем ранние 60-х гг. прошлого века его аналогии типа «ткань — рисунок на ткани» и новообразование термина «социальный куматоид», примеры его применения в публикациях МАР - прямо подводили к проблеме их использования, ибо и то, и другое явно подобны феноменам и процессам в открытых (проточных) системах, в среде.

4. «МАР — модели» центрировали исследование прежде всего на «демонстрируемых воспроизводящихся предшественниками социальных образцах и-или социальных, генетически ненаследуемых программах — практик, наблюдаемых и воспроизводимых их последователями в эстафетных структурах социальных эстафет, как устройств социальной памяти, социальных программ (иногда могущих сохраняться и в индивидуальной памяти их участников тот или иной конечный период времени, обычно в явном виде предполагаемый очень кратковременным, достаточным для реализации запомненного социального образца)». При этом никогда не уточнялось в общем виде, явно, - статику или динамику «образца реализации практического акта» наблюдают последователи, следовательно, и не вставало задачи исследования циклов колебаний и их перемещения.

Очевидно, что наблюдение социального образца практики предшественника есть наблюдение его циклической динамики, в выше указанных 4-х моментах, если только после завершения его очередной итерации последователь начинает воспроизведение поведения предшественника в ситуации. В ином случае, например, само наличие на 1-й фазе «сигнальных показателей максимума состояния полной готовности предшественника» уже функционирует как источник «сигнала старта» для последователя, например, в их синхронной, практически одновременной однородной кооперации (см. подробнее формализованную модель аналогичного прототипа МАР «имманентная композиция нормативных систем» и показательный пример, с проблемой «синхронизации выстрела в цепи стрелков» в математической теории конечных автоматов).

И вообще, важная конкретно научная проблема «синхронизации наблюдений участником демонстраций и воспроизведений им актов поведения в ситуациях у, как последователем предшественника» в их цепи эстафетной структуры социальной эстафеты, в принципе выпадала из поля осмысления фактов «эмпирической эпистемологии», с точки зрения призм «теории социальных эстафет».

5. Тот или иной вариант используемого МАР явно информационно — кибернетического подхода осознанно и целенаправленно МАР не излагался и тем более целенаправленно не адаптировался

в нуждам «эмпирической эпистемологии», между тем проблема моделирования эмпирических данных вынуждала к использованию терминов «информационные, информация, знаки, программа, память, реализация, обмен — коммуникация и т.п.».

6. Специально не исследовалась связь феноменов «врожденного подражания врожденному поведению» и «врожденного подражания не врожденному, генетически ненаследуемому поведению», внутренний механизм устройства функционирования простых и сложных «функциональных систем имитационного самообучения», культурные форма видов «ритуала Урока» и «публикации Новшества новатором для последователей».

7. Роковую роль, видимо, сыграло и ошибочное отождествление хранения и воспроизводства записи социальных программ А. в индивидуальной внутренней памяти участника эстафетной структуры социальной эстафеты, В. в аналогах их записи на внешних носителях сигналов от их источников типа «процесс практической реализации записи социальной программы предшественником», ибо кажущееся наличие здесь «наблюдаемого социального образца поведенческого акта предшественника в ситуации» есть только лишь одно из закономерных последствий «объективации рефлексией последователя образного содержания его экстраспекций», порождающей соответствующую, например, зрительную иллюзию «объективного существования вне и независимо от наблюдателей — последователей» демонстрируемого образца живой практической деятельности предшественника, аналог «эффекта зазеркалья во внешнем зеркале, с двойником в удвоенной ситуации».

Но, в целом широкое направление исследования было выбрано МАР верно (виды «устройств социальной памяти, с хранящимися в них социальными, генетически не наследуемыми программами», их прогрессивная социокультурная эволюция), а в форме понятия о «социальных куматоидах» и его многочисленных показательных примеров анализа, было зафиксировано открытие важного подмножества «социокультурных осцилляторов (колебатоидов)». Это и позволило, на наш взгляд, на новом этапе нам найти и сформулировать «колеблющуюся величину (параметр состояния) колебаний и волн их распространения в процессах воспроизводства социокультурных практик» и наметить путь к необходимым экспериментальным исследованиям их реального разнообразия.

А применительно к макроуровню гиперциклов самовоспроизводства отдельного «социума, как волны» мы обнаруживаем на длинных дистанциях, в предельном идеальном случае, «эффект полного замещения», т. е. наличие «социального гиперкуматоида» по МАР с индексом 3./1.1., а

на более коротких дистанциях «эффект не полного, частичного замещения», т. е. наличие «социального гиперосциллятора» с индексом 2./1.1.. Достаточно напомнить в норме воспроизводящийся ежесуточно социокультурный ритм колебания «суточной активности — пассивности» в процессах воспроизводства общественной и культурной жизни нам подобных представителей нормального социума — культуры, например, простейшего вида, в связи с чередованием дневного и ночного времени суток на Земле нашей звездной системы и врожденными адаптированными к нему биоритмами нашего вида. Процесс постепенного и допустим периодического замещения физического износа и выбытия по всем причинам экземпляров функциональных элементов множества разнообразных «предметов, средств и продуктов конкретной системы производства продуктов, а так же самих живых их производителей» в простейшего вида самовоспроизводящемся социуме — культуре, в его внешней природной среде (давно известный в «экономической теории предприятия, фирмы»), на относительно коротких дистанциях так же есть макроуровня «социокультурная осцилляция». Их существенно более сложный случай в «системах с производством для продаж на рынках и с закупкой на них используемых в нем ресурсов — благ», в связи со сменой старого поколения «технологий производства продукции» на новое поколение, на наш взгляд и исследовался в знаменитой модели «волн Кондратьева», которые так же есть не «волны», а лишь «социокультурные осцилляции во времени», ибо и если не исследуется «эффект полного замещения всех видов функциональных элементов структуры производственной рыночно ориентированной системы».

Отметим, что, например, для случаев не однородной, гомогенной, а разнородной, гетерогенной последовательной «кооперации», но, допустим так же самоуправляемой и с гармоничным распределением «социальной программы кооперации в целом», колебания и волны их распространения так же могут иметь место. Но, мы предполагаем, что будут иметь место существенно большие модуляции колеблющегося параметра состояния колебаний при их переходе типа «включения последующего после выключения предшествующего» на тех же постоянных рабочих местах деловой площади данной одной смены или при «пересмене» во времени на одном и том же рабочем месте, чем обычные, являющиеся следствием неустранимой «спектральности автокопирования, аутоимитации практического действия деятелем» в однородной, гомогенной последовательной «кооперации». Возможно, этот процесс аналогичен тому, на что указывается «коэффициентами деформации волны в жидкости, при ее прохождении

сквозь качественно различные среды разных веществ, в аналогичном агрегатном состоянии», «коэффициентом преломления света» и т.п..

Существует явная проблема применимости или не применимости ко всем «социокультурным осцилляторам (колебатоидам)» модели «автоколебаний и автоволн», по аналогии с ее использованием в модели Винера — Розенблюта «автоволны нейрона», для ее корректной формулировки и разрешения у автора нет соответствующего «профиля и уровня компетентности (обратная стороны этого «профиль и уровень невежества, некомпетентности», который вредно и стыдно недооценивать взрослому, в отличии от ребенка)», необходима кооперация со специалистами.

3.3. «Объективное и субъективное табло» у «деятели, на верстаке»: проблема выбора из альтернативных моделей «памяти, интеллекта и рефлексии» деятелей.

Вернемся еще раз к анализу классической «пятичленной» схемы практического действия. Г.П. Щедровицким, как видным представителем определенного варианта «субъективного материализма», на первых этапах его философствования, использовалась известная схема социального практического действия, изображение которой включало в себя:

1. слева по середине длинны листа силуэт «пляшущего (стоящего) человека (деятели, в той или иной позиции и роли)»;
2. справа внизу - квадрат «верстака (объективного!)», на котором реализуются, практические (авт. - объективные, материально-энергетические!) операции, их процедуры;
3. справа сверху - квадрат «табло», на котором реализуются лишь «теоретические (в широком смысле слова, как антонима слова «практическое»), мыслительные, интеллектуальные (авт. - субъективные, идеально — психические, ментальные!) операции, процедуры».

Отметим, что в квадрате для «верстака» часто, если не всегда, изображалась именно специфическая «четырёхчленка», в которой от указанного индексом 1.2. таблицы — схемы практического действия рубки рубщика, оставались только его «операции, процедуры», а он сам был как бы «вынесен за скобки» влево на середину листа.

Это связано с тем, что все деятели в «теории универсума социальной деятельности» ГПЩ принимались как абсолютно взаимозаменяемые, ибо они воспроизводились этой «социальной деятельностью», как ее данного целого необходимая часть, отметим, что то аналогичное

изначально постулировалось в исходном варианте «теории нормативных систем, как простейших устройств социальной памяти» М.А. Розова, где все участники нормативной структуры воспроизводящей социальный норматив — идентичные, взаимозаменяемые экземпляры (если не учитывать различия их «диапазонов наблюдения демонстраций социальных образцов»). Это особый вариант подобный «гносеологии и праксиологии без субъекта».

При этом, в схеме ГПЩ — указанная индексом 1.1. часть целого практического действия деятеля (но, без и вне «головой живого организма рубщика») и изображалась в квадрате именованном «табло», т. е. содержанием и функцией этого «табло» и была «идеальная цель и идеальный план практического действия реализуемого на верстаке», как его «внутренний, психический, осознаваемый образ, описание — предписание», как «содержание рефлексии рубщика», от его живого организма на данном изображении так же отделённое, видимо, так же потому, что они - «рубщики» - взаимозаменяемы.

Автоматически вспоминается сталинской эпохи метафора «люди — винтики и шурупчики» единого государственного механизма, где «незаменимых — нет», здесь - «детали единого механизма разделения и кооперации социальной деятельности».

Отметим, что на «субъективном табло», можно было бы изобразить еще и самого «пляшущего микрочеловека», как бы «деятельно мыслящего о своем деятельном мышлении». «Мышление о мышлении» известно уже Аристотелю, согласно авторскому пониманию классиков немецкой философии 18-19 вв., мышление не мыслящее о самом себе и не есть собственно человеческое мышление, подобно человеческому знанию, которое есть лишь тогда когда человек знает, что он это знание имеет. Следовательно, внутрь изображения на табло можно поместить «микрочеловека» имеющего еще и «микротабло», изображенное на «макротабло». Здесь возможно истоки генезиса позже излюбленного ГПЩ понятия о «мыследеятельности», «мыслящей, знающей деятельности и деятельной мысли, деятельностного знания» и его конкретизации для «организационно — деятельностных игр (ОДИ = игры в организацию деятельности)» в понятиях об «организационной мыследеятельности и организации мыследеятельности».

В принципе, по имманентной логике такой интерпретации данного схематического изображения, автору его явно «грозил регресс в бесконечность иерархии уровней идеального микромира», ибо любое «микротабло» могла быть дополнено еще более малым «микромикротабло» (аналог феномена иерархии уровней «интенциональности осознания» у феноменологов и

экзистенциалистов). Известно, что наличие в «теории» - регресса в бесконечность, при объяснении и доказательстве, часто признается признаком ее не соответствия эталону «научной теории», правда, на этот статус «теория тотальной социальной деятельности» ГПЩ и не претендовала, «наука» признавалась «устаревшим институтом и феноменом», поклонялись и верили в «тотальную инженерию», с планированием и проектированием любой «социальной деятельности», без и вне любых «онтологий».

На наш взгляд, последняя установка есть методологическая и эпистемологическая-кая утопия, причем, реакционная утопия, ибо А. направляет ход эволюции культуры в обратном направлении, к до, вне и без научной инженерии, ибо В. отрицает ценность возникновения и эволюции множества «зрелых» фундаментальных наук (каждая со своим специфическим «предметом научных исследований и знаний, обусловленным ее научной теорией конструктором») функционирующих и внутри любых комплексов «зрелых» прикладных «технонаук».

Подробнее см. тексты автора на сайте.

Предположение о существовании в голове практически действующего в ситуации деятеля (рубщика) другого минидейателя (минирубщика) и его минидействий, в миниситуации, имеет очень древние иррациональные истоки в магии — мистико-мифических верованиях и культах «духов (в т.ч. в добрых ангелов и злых бесов)» и «душ предков», в их «вселения и выселения» из тела нам подобных. Затем, в русле повествований и верований 1. в «идеи вещей» и «идеалы поступков, деяний и недеяний» Платона, 2. в единство противоположностей «идеальных форм» и «материальных материалов для материального воплощения идеальных форм» Аристотеля, 3. в некоторых значениях и смыслах афоризма «знает тот, кто умеет сделать» Б. Спинозы, 4. в тезисе: «идеальный план дома в голове человека» и его материализация в практике, у К. Маркса, который есть нечто иное «как материальная практика пересаженная в голову и преобразованная в ней», как и все «идеальное» по Марксу. Эта точка зрения вполне естественно для Маркса, по генезису гегельянца, затем «младогегельянца», с их типичным волшебным превращением «идеального в материальное (абсолютной идеи в природу) и материального в идеальное (природы в объективный и субъективный дух)», со времен «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля. Вплоть, до претенциозного афоризма его якобы ортодоксального последователя Ульянова В.И. («Ленин»): «...сознание не только отражает, но, и творит мир... (что «сотворило его сознание» нам как бы хорошо ныне известно — исторический тупик сталинизма, неосталинизма и

постсталинизма)», казалось бы противоречащего его иному не менее претенциозному афоризму - «пора отбросить эту вздорную побасенку о свободе воли».

В противоположность этому часть наших, отнюдь не самых невежественных и глупых, современников склоняется к выводу, что «сознание человека и не отражает, и не творит мир», ибо это делает и может делать только живой мозг живого организма нам подобных, а «марксизм сегодня - и не объясняет, и не изменяет мир». Впрочем, пока что, на наш взгляд, нет и иных достойных претендентов соответствующих нашим новым 3-го тысячелетия н.э. требованиям к философии для «объяснения, предсказания и изменения мира в целом», а постмодернисты считают это и не нужным, и не возможным в принципе, ибо их философский скепсис и ирония универсальны, включая скептической отношение и иронию относительно самого постмодернизма и постмодернистов. «Тотальная ирония постмодернистов» лишь специфическая историческая форма традиционного философского скептицизма и агностицизма, новой вариации «критики всех возможных критик», а не изложение и разработка принципиально нового вида «целостного философского отношения человека к действительности». Нужда в нём возрастает, как и доля все более полно и глубоко образованных интеллектуалов наемного труда в частных фирмах владельцев капиталов и в госорганизациях управляющего госвласти меньшинства, приход большинства которых к социокультурному движению за возрастание человеческой «Свободы и Солидарности» нам подобных весьма вероятен.

Наконец, как известно знатокам, в русле экспериментальной научной психологии, например, в генетической эпистемологии Ж. Пиаже и в культурно — исторической теории развития высших психических функций школы Л. Выготского, предполагается еще и существование двух важнейших альтернативных преобразований:

1. процесса интериоризации внешней человеческой деятельности индивидуальной и совместной, групповой во внутреннюю деятельность человека, в его «деятельность во внутреннем плане внешней деятельности», «внешней коммуникации — общения во внутреннюю аутокоммуникацию, в общение с самим собой внутри себя самого»;
2. процесса экстериоризации внутренней деятельности, деятельности во внутреннем плане внешней деятельности, аутокоммуникации - во внешнюю деятельность, индивидуальную или совместную, в коммуникацию с другими.

Где «внутренняя деятельность во внутреннем плане внешней деятельности» достаточно неопределенное понятие, ибо это может быть и «психическая осознаваемая актуально активность

на субъективном табло», и актуально не осознаваемая активность где то внутри организма деятеля протекающая, которую называть «психической» как бы и нелепо, хотя потенциальна иногда и в некоторой части ее целого она и способна породить таковую, как «актуально осознаваемое».

Вот в конфликте с этой, многие тысячелетия доминирующей и относительно хорошо разработанной, точкой зрения, автор, следуя по стопам поисков новых путей постановки и решения «трудной задачи сознания и мышления человека, содержания и функций, устройства человеческой рефлексии и интеллекта» некоторыми его предшественниками, предполагает, что никакой «внутренней деятельности, как и внутреннего деятеля» в организме исследуемого, например, микрорубщика микрополеньев микропором на микродрога в реальном живом рубщике, просто не существует и не может существовать.

Точно так же как не существует и не может ее и его существовать А. внутри зеркала, в которое он периодически смотрится (в «иллюзорном зазеркалье»), В. в просматриваемой кинокартине, видеозаписи его практического действия, С. в наблюдаемой голографической объёмной «кинокартине» об его практическом действии.

Но, что же тогда является «субъективно данным рубщику содержанием его внутреннего табло»? Содержанием, которое он к тому же, как давно известно знатокам философии и научной экспериментальной психологии, иногда, еще и объективирует (наиболее сложная форма объективации — онтологизация вербализированных моделей прототипов, семантического содержания научных теорий), как бы проецируя «субъективный, психический, осознаваемый образ, описание — предписание плана и цели» в текущую объективную процедуру реализации практического действия в практической объективной ситуации.

Тем самым уподобляясь скульптору Пигмалиону, влюбившемуся в свою скульптуру идеальной девушки (см. греческие мифы, Б. Шоу «Пигмалион», а так же МАР о «синдроме Пигмалиона» в матфизике, по физику Сингху), или художнику и зрителям- знатокам живописи его картины, с изображение птицы, которая неожиданно - «вспорхнула с ветки и полетела».

Причем, иногда, деятель объективирует вплоть до вполне варварской веры так называемого прагматичного человека Цивилизации, со «здравым смыслом», в полную идентичность объективируемого и объекта, с мифическим отождествлением «субъективного образа — описания практического действия» с совершенно объективной реализацией, например, рубки организмом рубщика объективных поленьев объективным топором на объективные дрова, в

объективной ситуации. Объективность последних особенно хорошо демонстрируется и доказывается в случае адекватного и результативного замещения живого организма рубщика искусственным роботокомпьютерным устройством, с его датчиками — рецепторами сигналов и манипуляторами — эффекторами, его ЗУ и ИИ, для реализации автоматической рубки поленьев топором на дрова. Очевидно, что ни в каком аналоге «субъективного табло», в общем случае, такой «авторубщик» не нуждается, вполне достаточным является наличие у него «объективного табло», с софтом его харда. А например, фантомные голографические изображения (как объективный аналог нашей субъективной фантомной реальности), порождаемые его голографическим устройством, если у него такое имеется, не могут оказать никакого прямого и непосредственного воздействия на его процедуру рубки поленьев топором на дрова, они просто параллельны объективному процессу реализации данной процедуры.

Возвращаясь к обсуждению классической схемы практического действия, с продуктовым конечным результатом необходимо отметить, что в связи с вышесказанным о позиции и точке зрения автора, она нуждается в следующей радикальной модификации.

Вместо одного квадрата в схеме, для «субъективного табло», нам понадобятся два для двух параллельных «табло» в голове живого организма деятеля, строго в соответствии с основным принципом экспериментальной «научной психонейрофизиологической когнитологии человеческого поведения в среде (принципом параллелизма)»:

1. для нового «объективного табло» объективной индивидуальной памяти (нейропамяти) живого организма деятеля, в котором хранятся объективные записи (нейрозаписи) генетически ненаследуемых программ, информации (биологических и социальных, не вербализированных и вербализированных), необходимые и достаточные для реализации их им в объективной процедуре, после их считывания;
2. для старого «субъективного табло», с фантомными «идеально- психическими образами, описаниями — предписаниями, ментальностями о практическом действия, рефлексивными целевыми установками и их содержанием» объективируемыми, иногда и онтологизируемыми.

Таблица №3. Неклассическая «шестичленка» схемы практического действия, с конечным продуктовым результатом, с «двумя параллельными табло».

<p>1.1.новое «объективное табло», с записями программ ,информаций в индивидуальной памяти организма деятеля- рубщика: 1.биоинформа-ция, биопрограммы;2. социальная информация, социальные программы</p>		<p>1.2. старое «субъективное табло», с «идеально -психическим образом, описанием — предписанием, ментальностями о практическом действия, в ситуации внутри организма деятеля - рубщика</p>
<p>2. «объективное средство» - топор.</p>	<p>1.3. объективная процедура реализации организмом деятеля практического действия в объективной ситуации — рубка рубщиком</p>	
<p>3. «объективный предмет» - полено</p>		<p>4. «объективный продуктовый результат» -дрова</p>

Иногда, эта выше в п.2. указанная объективация, имеет место с эффектом иррациональной символизации известным под названием «мифологического отождествления (ошибочного для внешнего наблюдателя, закономерного заблуждения, как следствии неполноты выделения сравниваемых систем)» одного из потенциально сравниваемых с другим ему в чем либо объективно подобным и объективно различным. Этого полного отождествления только лишь подобного уже нет в промежуточном случае с эффектом вербальной символизации типа экспрессивно — выразительных тропов художественной речи - метафора и синекдоха, тем более

в случае ему противоположном — рационально проведенной аналогии того или иного типа, в том числе относительно информации о тех же самых сравниваемых, которые кем либо «мифологически отождествляются». Простейший пример для анализа феноменов «мифологического отождествления» мы имеем уже в случае некоторых видов «рефлексивных картин на субъективном табло», параллельных объективному иерархическому устройству и функционированию «социальной памяти игровых имитаций на объективном табло» (см. выше статью 2.). Допустим игрок — имитатор полностью отождествляет себя с реальным всадником, палочку изображающую коня с реальным конем, или, наоборот, всадник полностью отождествляет себя с игроком, коня с палочкой, изображающей коня, что естественно при данном типе их неполной «рефлексивной картины (аналог т. н. «суженного осознания», с блокированием доступа в зону «внешнего и внутреннего внимания» части целостного потока рецептируемых сигналов)», с отклонением ее от ее нормы (для большинства в большинстве случаев), временным или устойчивым, относительно нашей повседневной «культуры имитационной игры, с полной рефлексивной двойственной картиной». Последняя, наряду с данными о поведении в ситуации имитируемой и в ситуации имитирующей, и служит нам косвенным, опосредованным доказательством реальности существования необходимой объективной связки двух объективных записей двух социальных программ на «объективном табло», программы реализации имитируемого практического прототипа и программы реализации имитирующей игровой практики.

3-й источник таких данных — факты о поведенческих и рефлексивных последствиях направленных нейрохимических и- или электромагнитных, хирургических воздействиях на живую иерархическую нейросеть нам подобных

Неклассическая, выше нами изложенная «шестичленка» - схема практического действия, с конечным продуктовым результатом, так же свернутая, «однотактовая», требующая динамической развертки на 4-ре состояния его цикла из «четырёх тактов», как и «пятичленка», но, эти состояния существенно различны. Ибо, в ней появляются принципиально новые связи, в связи с введением — учетом новой его части обозначаемой индексом 1.1., наряду с двумя прежними обозначаемыми индексами 1.2. и 1.3., на стороне «деятеля практически действующего», причем, возрастает учтенное разнообразие частей целого именно объективных, вполне материально — энергетических (1.1.,1.3.,2.,3.,4.), в которых с одной стороны живой

организм «деятеля — рубщика» (1.1. и 1.3.), с другой - «средство, предмет, результат -топор, полено, дрова» (2,3,4.).

Но, наличие новых связей принципиально меняет значение и смысл данной «шестичленки», как новой схемы «социального практического действия, с продуктовым результатом».

1. Наличие на «объективном табло» индивидуальной памяти живого организма деятеля «иерархии множества записей биологических, генетически наследуемых и генетически ненаследуемых, программ, в т.ч. и социальных, генетически ненаследуемых программ» означает то, что считываются объективно именно они и именно они объективно реализуются идентификационно —распознавательными, диагностическими и манипулитивно — эффекторными, регулируемыми операциями, процедурами живого организма деятеля — рубщика в его объективных взаимодействиях с объективными «предметами, средствами и результатами — поленьями, топором, дровами». Следовательно, «план и конечная цель», как «идеально — психическое» содержание «субъективного табло», как минимум, прямо и непосредственно не взаимодействуют с «предметом, средством и результатом и живой активностью организма деятеля», их связь с ними опосредована связью «содержания объективного и содержания субъективного табло», специфической на каждом из 4 фазовых состояний воспроизведения «социального практического действия, в соответствующей ситуации среды».

Проблема исследования этой «связи содержания объективного табло и содержания субъективного табло» есть нечто иное как особая формулировка и постановка с помощью данной схемы широко и давно известной основной проблемы «психонейрофизиологической когнитологии», поставленной в самом начале генезиса научной экспериментальной психологии, в форме постулата «психо — физиологического (или психо — физического) параллелизма».

Из схемы очевидно, что эти два табло и их содержание «параллельны», при чем, каждое может претендовать на полноту информации о структуре и организации функционирования данного «социального практического действия, с продуктовым результатом, в данной ситуации» и на то, что бы «отображать и регулировать» циклическую смену его 4-х фазовых состояний. Причем, с обычной точки зрения и норме рефлексивной позиции - из «субъективного табло», его связь, зависимость от «объективного табло, с записями информации, программ» систематически в его рефлексивных содержаниях игнорируется, и, наоборот, рефлексивные содержания

«субъективного табло» систематически обычно «объективируются» в форме проекций на внешнюю ситуацию «рубки рубщиком» и в пределы организма самого «рубщика».

Например, значение и смысл множества «5-ти деятельностных универсалий» («предмет — поленья и т.п.», «средство — топор и т.п.», «результат продуктовый — дрова и т.п.», «операции, их процедуры в процессе их реализации - рубки рубщиком и ему подобными», «конечная цель и план ее реализации» внутри их реализатора — рубщика и ему подобных») есть нечто иное, как итог обобщения и систематизации опыта накопленного и используемого в содержания рефлексии множества рефлектирующих «деятелей», в т.ч. и рубщиков поленьев топором на дрова. А именованная рубщиком в социальной коммуникации и аутокоммуникации объективных явлений и процессов «поленом, топором, дровами, рубкой, рубщиком» свидетельствует о специфике социокультурной объективации, в отличие от ее природных биопредпосылок, ибо мы «приписываем значения и смыслы текстов нашей коммуникации» обозначаемым текстами (с их «субъективно семантикой на субъективном табло») объективным феноменам и процессам в объективной структуре и организации функционирования объективного нашего поведения в объективной ситуации, именуемой нами в целом «рубкой рубщиком поленьев на дрова топором», а более обобщенно, но, так же с рефлексивной позиции, именуем - «целенаправленной, более или менее осознаваемой практической деятельностью, направленной на получение продуктового результата, соответствующего ее конечной цели».

С нашей точки зрения, противостоящей традиционной точке зрения и рефлексивной позиции, эти два наших внутренних табло «принципиально не равноправны» по функциям и роли в практическом действии деятеля.

Например, мысленный эксперимент, со спящим деятелем, не видящем снов (спящий рубщик, рядом с поленьями и топором) демонстрирует отсутствие либо «субъективного табло» в целом, либо отсутствие на нем «идеального образа, плана и цели практического действия (рубки рубщиком поленьев на дрова топором)». Последнее впрочем может иметь место и при смене рубщиком воспроизводства одного практического действия на существенно другое (нет рубки, нет поленьев, нет дров, нет топора и нет их «образа — концепции осознаваемых»). Означает ли это, что исчезла и соответствующая объективная запись социальной программы, при ее считывании и перекодировке реализующейся в «рубке рубщиком поленьев топором на дрова», на «объективном табло»? Ответ, очевидно, нет, ибо достаточно деятелю вновь сменить в обратном порядке воспроизводство текущего практического действия (а «спящему рубщику —

проснуться») на воспроизводство предшествующего действия (рубка рубщиком ...), как становится очевидным то, что где то хранилась объективная, неосознаваемая 1. запись ему соответствующей социальной программы. И, более того, еще и объективно хранилась 2. запись социальной программы воспроизведения соответствующего параллельного «идеального образа, плана и цели практического действия деятеля в ситуации» на «субъективном табло». Ибо есть применение общенаучного принципа «ничто из ничего не возникает», тем более «регулярно не воспроизводится», а объективному идеализму, согласно которому иногда считается, что этот принцип ошибочен, в экспериментальной науке не место, в отличие от теологии и некоторых вариантов метаматематики.

Следовательно, данные две тесно связанные объективные записи двух социальных программ на «объективном табло» существуют как инвариант, а вот «идеальный образ, план и цель действия» только в одной из вариаций состояния деятелей (например, как бодрствующих рубщиков в актуальной ситуации рубки...). Субъективные эмоционально переживаемые изображения и слышимые, зримые тексты - на «субъективном табло» деятеля, в т.ч. объективируемые, иногда, онтологизируемые, производны от актуализации считывания и реализации двух объективно связанных объективно хранящихся записей программ на «объективном табло» деятеля. Возвращаясь к тематике статьи 2-й сборника можно указать теперь на то, что на объективном табло каждого участника социального куматоида «игровой имитации» хранятся не две записи двух социальных программ реализации практики имитируемой и практики имитирующей, а четыре, ибо каждая из вышеуказанных двух объективно связанных записей социальных программ для считывания и перекодировки в практическую реализацию в ситуации, имеет еще и свой собственную запись социальной программы воспроизведения соответствующих «содержаний рефлексии» на «субъективном табло». Это и может объяснить субъективные данные о «двойственности содержания рефлексии» реализаторов «игровых имитаций» в норме нашей культуры повседневности, а ее отсутствие в экстраординарных ситуациях специфических игровых имитаций, связано с блокированием срабатывания именно одной из данных социальных программ («эффект вытеснения из осознаваемого в актуально неосознаваемое»), по тем или иным дополнительным причинам.

Рассмотрим две альтернативы давние и 3-ю новую понимания важнейшего пути обратного влияния «содержаний субъективного табло» на «объективное табло» и состояния живого организма деятеля, с его объективным поведением в объективных ситуациях среды.

1-я. Классическая многотысячелетняя гуманитарная, с позиции рефлексии исследуемой нами «системы, с рефлексией»:

«субъективно отображая практическое действие его субъективные актуально осознаваемые изображения, образы, описания с предписаниями актуально слышимые, читаемые и понимаемые, с эмоциональными переживаниями, регулируют начало, ход и завершение (в целом управляют, а не только контролируют)» объективного практического действия организма деятеля в объективной ситуации, в предельном варианте — прямо и непосредственно реализуя «психоповеденческий переход экстерииоризации», трансформацию «осознаваемого психического содержания в объективный практический акт поведения человеческого организма в ситуации» («сознание — порождает воспроизводство практики»).

2-. Неклассическая около 200 летняя - «психонейросоматический переход в поведенческий акт в ситуации», т. е. косвенная и опосредованная «нейросоматикой» экстерииоризация, полно и точно нам механизм неизвестен (авт. - а ла аналогия — голографические фантомы, голограммы и голографическая диагностика), например, «психонейросоматические» взаимодействия и их объективные проявления при неврозах и психозах, служащие признаками идентификации — диагностики наличия тех или иных девиаций, патологий у нам подобных для психотерапевтов и в психиатрии.

3-я. Постклассическая конца 20 — начала 21 вв.:

А. либо только лишь «субъективно ценная (внутренний мир) для каждого из нам подобных сообществ, но, прагматически поведенчески бесполезная внутренняя психическая реальность и ее эктраспективные и интроспективные проекции в объективациях»;

В. (автор) либо еще и «дублирование реальности, ее раздвоение на объективную и субъективную - для роста надежности управления, в т.ч. в порядке дополнительного самоконтроля (с использованием, метафорически выражаясь, «внутреннего зеркала, с зазеркальем») поведения нам подобных в ситуациях среды», со ссылкой на очевидное их синкретичное праединство в филогенезе видов и в онтогенезе особей их популяций.

Всем более или менее хорошо образованным в биологии человека - известно, что каждый из нам подобных, в норме, имеет начало жизни, как оплодотворенную зародышевую яйцеклетку в организме материнском, т. е. всё в нас формируется из сугубо материально — энергетического живого организма нашего зародыша (согласно биохимии и биофизике клетки, молекулярной биологии), включая и феномен «субъективного табло, с субъективным его содержанием». Что

позволяет предположить, что в будущем науки о человеке смогут дать вполне объективное научное знание и об этом феномене, как особом сверхсложном случае материально — энергетической реальности у некоторых видов живых организмах, с поведением их в ситуациях среды. Но, уже сегодня медицинские и формирующие психонейрохимические и психонейрохирургические эксперименты, включая преследование в них и антигуманных целей т. н. «разработки методов управления человеческим поведением (типа «нейрозомби») в конфликтах на уничтожение противника», демонстрируют то, как можно управлять через прямое воздействие на нейросоматику живого организма наподобных и на сохранение и изменение «субъективных осознаваемых содержаний на субъективном табло» наподобных, и на сохранение — изменение объективного поведения нашего живого организма в ситуациях среды. Иногда, явно помимо нашей «свободной воли в процессе принятия и реализации решений о поступке в ситуации», которая так же может быть одним из реальных факторов процесса принятия решений, если ей соответствует некоторый реальный «управляющий нейроцентр» высшего уровня иерархии самоуправления нашей живой нейросети, который на субъективном табло соответствует содержанию рефлексии типа, например, «Я -образа — концепции, с я-биографией, я — актуальным и я -мечтой, проектом — идеалом».

Заключение.

Подведем итоги нашего предварительного анализа практически воспроизводимых социокультурных процессов являющихся прототипом модели социокультурных осцилляций , в т.ч., как видов «социальных куматоидов».

1. Что такое «социальная автоволна»? Это — перемещение «социокультурного колебания (осциллятора, колебатоида)» в однородной социокультурной среде. Докажем это в общем виде и на примере в предельном, идеальном случае стационарной социокультурной волны.

При этом будем помнить то, что все реальные социокультурные волны, в лучшем случае, квазистационарные процессы, всегда с минимальной модуляцией колеблющегося параметра состояния от одного места в предшествующем периоде перемещающегося к другому в последующем его периоде. Ибо не устраним спектр колебания в каждом из мест, с распределением вероятностей на нём, при перемещении из одного места в другое ничто не гарантирует идентичного выбора из альтернатив, даже в пределах спектра допустимых

отклонений от нормы колебания, в связи с наличием в устройстве нормального практического действия нам подобных аналога «замкнутого цикла авторегулирования, с отрицательной обратной связью». Или, иным языком, «спектр колебания» неустраним даже аналогом функциональной системы в организме «деятеля», с записью социальной программы на «объективном табло», где есть акцептор и результата ее практической реализации в реальной ситуации, и недопустимых отклонений, устраняемых регулируемыми — корректирующими воздействиями (по ак. Анахина модели функциональных систем живого человеческого организма).

2. Простейшее социальное колебание — есть циклический процесс многократного воспроизведения социокультурного практического действия в идентичной ситуации и социокультурном его контексте, например, продуктового по результатам, при этом периодически колеблется объективная характеризующая его в целом величина «состояние полной готовности к воспроизводству еще раз процесса реализации идентичного адекватного и результативного практического действия в идентичной ситуации».

В идеальном предельном случае это и описывается соответствующим графиком функции косинусоиды или ей подобной импульсоиды - уравнением, которым описывается и множество иных колебаний.

3. Если имеет место эффект «полного замещения» всех функциональных элементов структуры данного социокультурного практического действия, включая «замену предшествующего деятеля на последующего деятеля», при организации не просто многократного функционирования, воспроизводства данной структуры совокупностью или множеством отдельных «деятелей», а именно при их преднамеренном соучастии в воспроизводстве однородной последовательной во времени кооперации на том же месте, с постоянными координатами, то мы имеем «социокультурный осциллятор», как «социальный куматоид» 1 рода, с индексом 3./1.1., но, при этом нет феномена «социокультурной волны», ибо «социокультурная осцилляция (колебание)» не перемещается в пространстве.

Как это имеет место, например, в выше проанализированном показательном примере «совместной групповой деятельности» 4х рубщиков поленьев топором на дрова в 4-ре смены в течении каждых суток на одном и том же рабочем месте», но, с новыми экземплярами «средств — топора», при самоуправлении — самоисполнении внутригрупповом и гармоничном

распределении «социальной программы кооперации» данного вида, с «молчаливой коммуникацией», идентичной в индивидуальной памяти 4-х рубщиков.

«Социальный куматоид», как колебание с эффектом «полного замещения» есть, причем, не самого простого, а несколько более сложного устройства социокультурной матрицы хранящей записи социальных программ «кооперации 4-х рубщиков в 4-х сменах на постоянном рабочем месте» в индивидуальной памяти каждого «рубщика», а «социокультурной волны» - нет.

4. Рассмотрим существенно аналогичный случай однородной «кооперации 4-х рубщиков», но, последовательной в пространстве, когда все 4-ро рубщиков «работают в одну смену», но, по любым причинам, вариация данной «кооперации» такова, что последующий начинает процесс реализации своего практического действия только после принятия — идентификации сигнала о завершении предшественником его практического действия.

Во всем остальном, кроме отдельного пространственного расположения и «односменности совместной работы», кооперация 4-х рубщиков идентична виду только что выше описанному.

Расстановка «деятелей по рабочим местам» может быть, например, двух видов: А. цепь рубщиков образует разомкнутую линию (отрезок, с начальной точкой, двумя промежуточными и конечной точкой); В. - замкнутую в «квадрат», или в «кольцо» (например, квадрат в основании «куба», в точках 4-х углов которого «рабочие места рубщиков»).

В любом из данных двух случаев, по цепи из 4-х «деятелей» в течении «рабочего времени» данной «смены» как бы «пробегают» аналог «бегущей строки текста на электронном табло», т. е. любой прибор регистрирует дискретно — непрерывный объективный процесс воспроизводства каждым последующим практического действия предшествующего после его им завершения, т. е. наше объективное социокультурное колебание, как «социальный куматоид» 2 рода, с индексом 3./1.2., регулярно перемещается в однородной социокультурной среде, при прочих равных условиях, в течении данного «рабочего времени данной смены деятелей в их совместной групповой деятельности».

Отметим, что:

1., например, косинусоидой это можно отобразить только приняв «задержку сигнала в линии связи» интеракции социальной коммуникации «молчаливой» между предшествующим и последующим «деятелем», с преднамеренным соучастием сторон, равной 0;

2. запись социальной программы «молчаливой социальной коммуникации» между каждой парой «предшественник — последователь» у всех преднамеренно в ней соучаствующих «деятелей»

идентична, но, у того, кто в данной их интеракции занимает позицию и исполняет роль не только «кооператора», но, и 1. «отправителя — передатчика сигнала старта» - она структурируется одним образом, а у того, кто — 2. «приемник — получатель сигнала старта» - она же структурируется другим образом. Напомним, что каждый из этой пары в его интеракциях с третьим участником данной «4-ки деятелей» как бы «меняется позициями — ролями» от 1-й переключается на 2-ю, и, наоборот. Следовательно, эти различающиеся варианты структуризации «системы позиций — ролей» и рефлексией на субъективном табло исследуемых соучастников «коопераций 4-х рубщиков», являются примером «рефлексивной симметрии», которая и позволяет предполагать скрывающуюся за ней инвариантную «запись социальной программы молчаливой социальной коммуникации в кооперации между предшествующими и последующими соучастниками» на «объективном табло» каждого соучастника из 4-х. См. первую попытку построения конструктивной модели таких феноменов в кн. MAP, в разделе об «имманентной композиции нормативных систем» (в начале именованной «схемой 4-х автоматов»).

При этом передача предшественником «сигнала старта последователю» синхронна фазе завершения им его полифункционального поведенческого акта- и практического действия (рубки поленьев на дрова топором), и коммуникативного действия (передача сигнала старта для инициации начала реализации практического действия последующего соучастника), которое и в записи его социальной программы на объективном табло имеет два акцептора сигналов о двух внешних результатах, как их источников:

А. дополнительные дрова в куче дров совместно нарубленных;

В. начало старта воспроизводства последующим практического действия идентичного действию предшественника.

3. Время передачи сигнала старта и время его приема, при зрительном рецепторе зрительного анализатора на приемном конце у получателя, и объективно почти синхронны, поскольку отраженная освещенность от завершающей фазы практического действия предшественника, ее отдельные перпендикулярные плоскости перемещаются со скоростью света, а явный сдвиг во времени с эффектом десинхронизации обусловлен крайне сравнительно медленной скоростью распространения сигнала в автоволнах нейросети получателя. Но, внешнему наблюдателю «невооруженных глазом и без измерительных приборов» может действительно казаться, что фаза завершения действия предшественника абсолютно синхронна моменту смены 1 фазы на 2 фазу

действия у последующего, как это кажется и самим соучастникам данной «кооперации, с молчаливой коммуникацией». Это закономерная ошибка рефлексии соучастников и ее воспроизводит сторонний наблюдатель с аналогичным опытом.

4. Предполагается, что существует в случае любого вида «социокультурного осциллятора (колебатоида)» на «объективном табло» любого «деятеля на верстаке» минимум две неразрывно связанных, в некоторых случаях или во всех, записи социальных программ:

1. запись социальной программы, которая при ее считывании и перекодировании порождает объективное воспроизводство соответствующего практического действия, в объективной ситуации;

2. запись социальной программы, которая при ее считывании и перекодировке порождает «содержания на субъективном табло (образы — переживания, описания — предписания с переживанием понимания и т. п. ментальные и эмоциональные феномены, содержания рефлексии исследуемых деятелей по тем или иным модальностям рецепторов — анализаторов, экстра и интро ориентированности)». Эта их статистически закономерная связь и порождает данный нам отчасти в объективных наблюдениях и отчасти в субъективных данных самонаблюдения, самопонимания - «эффект психонейрофизиологического параллелизма». Декодирование записи (нейрозаписи) социальных программ на объективном табло (в нейромемории) пока что не реализуемо, ситуация здесь и теперь для наук об обществе, культуре и человеку, существенно подобна ситуации в ранней генетике истории биологии, когда существование генов и генотипов было только лишь необходимой гипотезой объяснявшей воспроизводство «фенотипических признаков» предков в потомках и множества фенотипов популяции вида при смене ее поколений, а биофизические — биохимические процессы записи, хранения и считывания генетически наследуемых программ на клеточном уровне были науке неизвестны.

Но, мы можем сегодня для простейших случаев формирования новых и воспроизводства — тиражирования социально приобретаемых и социально распределенных записей программ иметь определенные научные модели — гипотезы, например, смотрите текст автора на сайте о «ФСИС» и данного сборника статьи в русле проблема формирования экспериментальной социокультурной когнитологии.

Влияние «объективного табло» на «субъективное табло» доказанный научный факт, обратное влияние до сих пор вызывает достаточно обоснованные сомнения, с точки зрения научной

обоснованности такого предположения, а не с точки зрения наших практических верований в его реальное существование. Наша гипотеза состоит в том, что биоэволюция не случайно отобрала такой вариант нашего устройства, с двумя табло и раздвоенной информацией о реальности нашего практического действия, в ситуации, это дублирование увеличивает надежность объективного процесса управления его квазистационарным адекватным и результативным воспроизводством, например, по аналогии с полезностью внешнего «зеркала, с зазеркальем», может быть объективная поведенческая польза и от «внутреннего зеркала, с внутренним зазеркальем». Теория и научные факты филогенеза и онтогенеза живого организма нам подобных позволяют предположить, что «субъективное табло» есть просто еще один сугубо специфический вид «объективного табло 2 рода», но, его содержание не может оказывать прямого и непосредственного влияния на объективные процессы реализации объективного практического действия в объективной ситуации, это реализуемо только через его объективную нейрокоммуникативную связь с объективным табло 1-го рода.

Подобно тому, как восстанавливаемое по записи на голограмме фантомное изображение, прямо и непосредственно (а не через механизм учета данных голографической диагностики) не может влиять на поведение в среде роботокомпьютерного устройства, реализуемого по его считываемым программам идентификации сигналов от источников и реализации регулирующих воздействий.

5. В этом заключении сформулируем и еще одну волновую гипотезу о наличии у социокультурных волн, как социокультурных колебаний в воспроизводящихся социокультурных практиках, перемещающихся в пространстве со сменой координат колебания, типичного для классической физики волн признака «обхода волной препятствия».

Для этого поставим соучастников нашей кооперации рубщиков в пространстве рабочих мест одной смены в особой форме расстановки на производственной площади типа вышеуказанного «веера лучей исходящих из одного центра», пусть площадь будет разграфлена подобно шахматной доске, ставим первого участника в позицию — роль центрального лидера ведомых в центральной клетке, окруженной 8 клетками первого квадрата, следующие ведомые этих 8 сублидеров становятся в следующем квадрате из 12 клеток, и т.д.. Заменяем в любом из этих квадратов из 12 клеток одного «ведомого предшественника — сублидера последователей» на непрозрачный куб (или исключим его из числа потенциальных соучастников данной кооперации по любым причинам), в функции препятствия для приема сигнала старта в «молчаливой

коммуникации» с предшественником по данному направлению его распространения. Естественно, в этой клетке не будет иметь место воспроизводство колебания социокультурной практики и передача «сигнала старта» последователю по исходящей от данной клетке с непрозрачным кубом линии. Устройство такой кооперации, с регулярными волнами из колебательного центра и всех последующих квадратов с рубщиками таково, что любой рубщик следующего квадрата клеток может принять «сигнал старта» переданный любым из рубщиков предшествующего квадрата, с которым его клетка прямо и непосредственно контактирует (т. е. у каждого есть 3 таких предшественника). Следовательно, если один из 3-х предшествующих рубщиков отсутствует (вместо него непрозрачный куб), то прямо и непосредственно по линии от него последующий рубщик может использовать приняв «сигнал старта» от одного из двух других предшествующих «сублидеров» - с ним прямо контактирующих, и далее волна распространения колебания однородных социокультурных практик данной последовательной кооперации рубщиков будет вновь следовать более или менее синхронно от одного меньшего квадрата клеток к большему «веером лучей» без пустот. Социокультурные волны так же «обходят препятствие». Эксперименты с тем или иным контингентом рубщиков, с нашей точки зрения, должны подтвердить это предсказание на данной упрощенной модели полученное. Можно рассмотреть и предельно упрощенные аналоги подобных моделей — проектов, планов экспериментов с популяциями антропоидов, детьми.

Есть возможность сформулировать и обосновать гипотезу о возможности возникновения в кооперациях однородных и аналога других признаков наличия волн, например, «интерференции».

В принципе, предварительное доказательство объективного существования социокультурных волн, впервые угаданное в одном из двух видов моделей «эмпирической эпистемологии» МАР феномена «социальных куматоидов», можно считать завершенным. Остальное дело — планирования и реализации формирующих когнитологических экспериментов в русле социокультурной когнитологии, в ее коэволюции с этологической когнитологией и психонейрофизиологической когнитологией.